

Лора Деренская

ИДЕАЛЬНЫЙ

Мечтая выйти замуж...

Лора Деренская

Идеальный полёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39854352

ISBN 9785449604453

Аннотация

Мечтательница с Урала попадает на край земли и неожиданно для себя становится... Невыдуманная история удивительных приключений захватывает, как водоворот. Аборигены, афганские беженцы, слава, любовь! «Терра Австралия! Игрушечная страна», – восторгается доверчивая Александра. «Ах, этот загадочный русский акцент». Новый мир принимает иностранку с распростертыми объятиями и заодно... норовит поставить на колени. Удастся ли убить в оптимистке жизнелюбие? Вечен ли сладкий поцелуй счастья или чудес не бывает... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Побег	5
2. Двумя годами раньше	14
3. Спустя время в другом месте	21
4. Шестидесятые, двадцатый век	28
5. Переезды	34
6. Иняз	43
7. Дальний Восток	63
8. Смерть и рождение	86
9. Гороскопы	106
10. Иностранец	116
11. Головокружительная неделя	137
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Идеальный полёт

Лора Деренская

*Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы – и что ей хаты!
Что Чингисхан ей и что – орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных – и сытость сытых!*

*Марина Цветаева,
18 августа 1918 г.*

Иллюстратор Алёна Стародубцева

© Лора Деренская, 2019

© Алёна Стародубцева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-0445-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Побег

– Вот, держите деньги, – молодая женщина с опаской оглядывалась по сторонам, она явно нервничала. Два высоченных жлоба в спецовках смотрели на нее сверху вниз.

– Значит, все выносить? – равнодушно пробасил один из них, не считая, сунул купюры в карман галифе.

– Да нет же! – недовольно буркнула женщина, крепко держа ручку коляски, готовая сорваться с места в любую секунду. – Господи! Я думала, вам все сказали... Мебель не трогайте. В шкафах тюки с бельем побросайте в детскую кроватку. И в ней выносите. Остальное в руках. Электрику всю забирайте: телевизор, холодильник, стиральную машинку...

– А нас там не того? – криво улыбнулся другой грузчик. – Не накроют?

– Загвоздка в том, что вахта на моем этаже, потому что с шестого по девятый – общежитие. Все как на ладони... Но никто не знает... сейчас засады нет, – поспешно объясняла женщина, напряженно озираясь по сторонам. – Там девушка вас ждет. Нина... Поможет, если что. Ну все, давайте! побыстрее все делайте. Да, и еще сушильную машинку не забудьте...

Не попрощавшись, она быстро удалялась от дома и вскоре скрылась за поворотом. Работяги вперевалочку вошли в подъезд, и скрипучий лифт повез их на пятый. Вахтерша

с опухшей физиономией подняла глаза на две фигуры в выцветших робах. Не дожидаясь вопроса, один опередил:

– Переезжаем. Где тут пятьсот седьмая?

Молча кивнув направо, тетка исподлобья наблюдала, как они постучались, и потянулась за тетрадью с телефонами.

Грузчики открыли дверь и увидели молоденькую белолицую девушку, движением руки приглашающую внутрь. Сразу принялись за дело, иногда перебрасываясь фразами что брать и куда класть. Мужики не теряли времени даром, лихо подхватили самое большое – холодильник, спустили в лифте вниз и закинули в кузов.

– Девка – кровь с молоком, красивая! – сказал один.

– Та, первая, с коляской, тоже ниче. Но тощая, – блекло рассудил напарник и снова нажал на пятый.

Скоро кровать, доверху заполненная тюками, встала рядом с холодильником. Юная помощница бойко носила в грузовик набитые чем-то простыни, наспех связанные в узлы. За полчаса все нехитрое имущество перекочевало вниз под оторопелым взглядом мордастой за столом. Носильщики с невозмутимыми минами махнули ей «пока» и исчезли в лифте. Еще минута, и груженный УАЗ укатил в неизвестном направлении. Нина выскочила из здания последней, легко сбежав вниз по ступенькам. Ошарашенная быстротой случившегося, толстуха снова набрала номер из журнала,

– Ну че там, Виват? Вышел уже? Аха, аха... ты че, Юрка, не прибежал, не остановил их? Похоже, все вытащили. Я од-

на не смогла бы... Поэтому тебе и позвонила сразу! Ну как знаешь...

Ночью прошел дождь, оставив за собой грязные лужи. Сейчас светило прекрасное летнее солнце. Прохожие представляли лица утренним лучам. Саша почти бежала, толкая перед собой коляску. Она ничего не замечала вокруг: «Господи, ужас какой! Только бы у них получилось. Только бы успели! Хоть бы ему не позвонили и не сказали, что кто-то выносит вещи».

Часом позже сестры уже сидели рядом, дымя противно-сладковатыми китайскими сигаретами, не веря, что все случилось именно так, как они планировали.

– Мы там такую разруху оставили: пустые шкафы, диван и кресло! А посередине на полу матрас, на котором твой спал. Он охренеет, когда с работы придет. Эти амбалы-грузчики прямо по матрасу ходили. Оставили на нем большие черные следы от кирзовых сапог. Ты где их откопала?

– Это Андрей бригаду организовал, он телик и холодильник за полцены забирает.

– Земляк Вивата? Ни фиги себе друг! Продал приятеля за холодильник по дешевке, – Нина усмехнулась.

– Так этому подонку и надо. По моей душе грязными ботинками топтался, вот и получил, что заслужил. Родителей жаль. Они, наверное, с ума сойдут, когда узнают. Тебе не было жалко комнату разрушать? – вдруг осторожно спросила Саша. Ее терзали сомнения и угрозы совести, что вот так

нечестно, по-воровски она убежала из дома.

– Не-а, это же твой был план – вещи продать и билеты купить. Кто сказал, что бежать надо? Что другого выхода нет? Ты! – равнодушно парировала молоденькая девчонка.

«И почему Нина такая холодная?» – не понимала старшая сестра, которая сама еще была очень молода. А молодость, как известно, девица прекрасная, но легкомысленная и эгоистичная.

– Я там жила, Аню, только родившуюся, в эту гостинку принесли. Это же был мой дом... Все так элементарно, был да сплыл, – несмотря на то, что ее удивляло равнодушие сестры, она понимала, что без Нины ей бы было не вырваться. Девятнадцатилетняя сестра хоть и была моложе Саши на десять лет, сейчас помогала делом и своим присутствием прибавляла измученной женщине уверенности.

Уже неделю Саша с маленькой Анечкой и Ниной прятались у знакомых Раисы Федоровны. За это время в прямом смысле свернули горы. Получили от шустрого Андрея деньги за холодильник и телевизор. Расклеили на столбах написанные от руки объявления и быстро продали стиралку, сушилку и другие вещи. Поехали на железнодорожный вокзал, чтобы отправить багажом Анину кровать и несколько коробок домашней утвари. Уставшие, они вышли на привокзальную площадь. Но главное, что сестры избавились от громоздких вещей.

Тут же был расположен морской вокзал, и внимание се-

стер приковало огромное судно, стоявшее на причале. Саша подумала, что была бы не прочь уплыть на нем куда-нибудь. «Корабли как свобода посреди моря жизни!» – философствовала она. По ступенькам на берег спустилось несколько человек. Сашу как будто толкнуло подойти к длинной и черной как смоль экзотической женщине в легком зеленом наряде и с волосами Анжелы Дэвис.

– Привет, – по-английски произнесла она, до этого ни разу не говорившая с иностранцами, но вместо робости чувствовала уверенность. Она была не одна, и еще чуть-чуть, и они наконец-то улетят домой к маме.

– О, привет, – удивилась мавританка и представилась, но Саша не разобрала ее имени.

– Это моя сестра Нина и дочка Аня, – девочка в коляске устала на черно-зеленую фигуру, Нина тоже. – Вы раньше бывали в этом городе?

– Нет. Но ты первая по-английски говорящая из всех русских, с кем я успела познакомиться в... как там... Российской Федерации. Вы же так вроде стали называться пару месяцев назад? Рада познакомиться.

– Мы тоже. Я учительница английского, – женщине было наплевать на политику.

– Окей! Вы, девушки, слышали про Гринпис? – чернокожая указала вверх на надпись на боку судна.

– Конечно, – только теперь Александра обратила внимание на название железной машины.

– Мы заходим в разные порты. Я сама из Австралии, из Нью Саус Уэльс.

Саша не смогла бы повторить последние три слова. Да и понятия не имела, что так назывался один из австралийских штатов. А еще она подумала: «Откуда в Австралии негры? Негры же в Африке».

– Из Австралии?! А мы с Урала! – ее правая бровь вспорхнула вверх. – Вы знаете, где это?

– Извините, понятия не имею, – иностранка пожала плечом.

Нина заворожено слушала непонятный разговор, смотрела на говорящую на другом языке сестру с восхищением и жалела, что в школе учила никому не нужный немецкий. Хотя в шестом классе ей была предоставлена возможность сменить на английский, и мама просила Сашу помочь, но та только подсмеивалась над неправильным произношением Нины и тем самым отбила у нее желание что-либо менять.

– Мы скоро улетаем домой на Урал, – продолжила Саша.

– Сколько времени займет перелет?

– About eleven years¹, – оговорила Саша.

– Лет? Одиннадцать лет лету! Вот умора! – загоготала чернокожая.

– Ой, одиннадцать часов, конечно, часов! – Саша чуть смутилась от чересчур бурной реакции иностранки. А та

¹ Где-то одиннадцать лет.

не могла уgomониться.

– Одиннадцать? Неужели так далеко? Приезжайте к нам в Австралию, – молвили ровные белые зубы на черном лице.

– А как же. Непременно, – вежливая учительница улыбнулась на прощание и в долгу не осталась. – И вы к нам на Урал. Совсем недалеко.

Отошли, и Саша запела: «Далеко, далеко на лугу пасутся ко-о-о». И смеясь пересказала Нине весь разговор.

– Прекрасное да-ле-ко, не будь ко мне жес-то-ко, – песенно развивала тему Нина.

– Девушка, до Воронежа далеко? – Саша пыталась мямлить голосом кота из любимого мультика, наклонившись к Ане и нежно пощекотав ее за животик. – Я хочу в Воронеж!

– Ничего лучше Воронежа нет! Ну, а как там у вас в Австралии? – скопировала гнусавый голос сестры Нина.

– Высоко сижу, далеко гляжу, но не знаю. Я же с Урала! – Саша была в ударе. Нина тоже в хорошем расположении духа.

Несмотря на приподнятое настроение, они все же перескочили на тему авиабилетов, которые оказались в дефиците.

На следующий день Нина влетела в квартиру как вихрь:

– Я купила билеты! Улетаем послезавтра.

– Ой, молодец, сестрица! Анечка, мы скоро увидим бабу! – Саша ласково подняла ребенка на руки и начала осторожно кружить на середине малюсенькой, заполненной ко-

робками комнаты. Ей так хотелось излить Елизавете Васильевне душу. «Мама будет слушать, пожалеет, поддержит и никогда не осудит».

Но Саша не могла уехать, не поговорив в последний раз с мужем. Она выпила для храбрости. Вообще последние дни она покупала вино каждый день, что очень беспокоило Нину. Саша же считала, что алкоголь помогал справиться с напряжением. Она пошла на улицу, нашла автомат и набрала телефон вахты.

– Мы уезжаем через неделю, – соврала она. – Мы тебе были не нужны. Радуйся теперь, что избавился от нас. Светлана Семеновна знает?

– Знает... А тебя никто не гнал, – заявил Юрий таким тоном, как будто доказал какую-то теорему. Причем в свою пользу. «Он повторяет слова Семеновны. Сама ушла, никто не гнал. Я, оказывается, сама во всем виновата. Кошмарные, черствые люди!»

– А вы где?

– Мы у хороших людей.

– Вещи-то че украла? Куда дела холодильник, телевизор? – язвительно спросил он с ноткой обиды.

– Ты меня вынудил так поступить, а про холодильник спроси у своего земляка Андрея. Пусть тебе его Люда укол от подлости поставит. Тебе не привыкать, да и ей тоже! – съязвила Саша и бросила трубку. Тут же пожалела, что проговорила, развязала нетрезвый язык. Теперь она предала

этого земляка-проныру. Ей стало стыдно. Еще ей было обидно, что Юрий не предложил вернуться, что его мама была на стороне сына, а Аня будет расти без отца. «От хороших мужей жены с младенцами не бегут на другой конец страны», – повторяла про себя она и горько плакала.

– Билетов было не купить, а салон полупустой, – недоуменно шепнула Саше на ухо Нина и крепче обняла сидящую у нее на руках Аннушку.

– Парадокс! – наморщила Александра лоб и пристегнула ремни безопасности, а про себя решила: «Начнем опять с начала. Все будет хорошо...»

Самолет девяностых уносил беглянок на уральскую родину, далеко от Дальнего Востока.

2. Двумя годами раньше

Дорога к дому вела по сопкам – то вверх, то вниз. Молодая, недавно вышедшая замуж воспитательница детского сада Саша и нянечка из ее группы возвращались с работы. Саша могла бы преодолеть путь быстро, но сдерживала шаг ради Раисы Федоровны, которая семенила рядом, слегка прихрамывая. Женщине осталось всего три года до пенсии. Прежде она была поварихой на пароходе, плавала по всему свету, а после инсульта пришлось устроиться в детский сад. Сухонькая, миниатюрная, с короткими медными волосами Раиса Федоровна выглядела немного старше своих лет: из-за перенесенной болезни лицо с маленькими глазками и плотно сжатыми тонкими губами выглядело слегка перекошенным. Но Саша привыкла к этому и не замечала недостатков. Ей нравилась немногословная и сдержанная нянечка, возможно потому, что она недавно покинула родительский дом и ей не хватало мамы.

Какое-то время шли молча, потом Раиса Федоровна, которая по детсадовской привычке или из уважения всегда называла Сашу на вы, спросила:

– Александра Владимировна, вы чем вечером будете заниматься?

– Не знаю. Скучать буду. А вы?

– Как всегда... Почитаю газету, новости посмотрю. Хо-

тя новости-то... Похоже, конец пришел Советскому Союзу. А вы, что ж скучать – а как же молодой муж?.. Повезло вам, Александра Владимировна, он парень положительный.

– Да, хороший, – неуверенно согласилась Саша. – Каждый вечер на фабрике с группой репетирует.

– Я слышала, как ваш Юра поет: приятный голос, и на гитаре хорошо...

– Ну да, солист!

«Перед выходом вертится перед зеркалом, как баба. Ну, поет он в клубе, и что? Институт бросил, всю жизнь будет ящики ворочать. И вообще, муж по вечерам репетирует, а я одна кукую», – воспитательнице было стыдно открыть свои мысли нянечке.

Раиса Федоровна взглянула на Сашу. При среднем росте двадцатипятилетняя девушка обладала соразмерной фигурой: талия тонкая, грудь высокая. Да и остальным бог не обидел. Густые светло-русые длинные волосы приятного пепельного оттенка, точеная шейка, в лице ни одного изъяна. Безупречная смугловатая кожа, большие серые глаза и неправдоподобно длинные черные ресницы, брови, как дуги, темные, густые, будто подведенные.

«С такой внешностью на конкурс красоты надо», – немного завидуя, советовали Саше коллеги в детском саду, имея в виду, что победительнице такого конкурса светит карьера модели. Но девушка не считала себя такой уж красавицей, а еще ей казалось, что расхаживать по подиуму с томным ви-

дом и целыми днями позировать фотографам в разных нарядах – занятие неинтересное и довольно глупое. «Ростом не вышла, – отмахивалась она от советчиков, – там все высоченные, под два метра, а во мне всего метр шестьдесят. Да и вообще, я ни в одно их платье со своим бюстом не влезу. Эти модели все тощие как селедки!» Саша сама не знала, о чем мечтать, к чему стремиться. Она была счастлива: ей просто хотелось жить, любить, дышать свежим морским воздухом... И все-таки в этом красивом портовом городе, вдалеке от родного дома, она часто ощущала одиночество и вспоминала родителей, сестру и бабушку.

«Вот ведь, красавица-девка, а скучает!» – с легким вздохом подумала Раиса Федоровна.

– У вас ничего почитать нету? – вдруг спросила Саша.

Нянечка хихикнула:

– Могу газету предложить.

Они как раз подошли к общежитию: серый кирпич, одинаковые ряды окон. Под некоторыми на откинутых решетках сушатся детские пеленки, колготки и кофточки, а сердитый ветер все норовит их сорвать.

Открывая дверь перед Раисой Федоровной, Саша с улыбкой сообщила:

– Я газет не читаю, там одна политика. Мне бы классику какую-нибудь.

– Спускайтесь в семь вечера на третий этаж, – сказала нянечка, входя в лифт. – Может, что-то подходящее в библио-

теке найдется.

– В нашей общаге имеется библиотека? – удивилась Саша. Раиса Федоровна кивнула.

Выйдя на своем пятом этаже, где располагалась вахта, де-вушка обернулась:

– В семь часов, как договорились!

Двери сдвинулись, гудящий и поскрипывающий лифт повез Раису Федоровну на восьмой.

Библиотека общежития выглядела убого: пара столов, несколько колченогих стульев; на полупустых полках в основном не литература, а учебники для старших классов и от-чего-то рулоны старых карт, множество атласов. Это напо-мнило Саше школьную библиотеку.

– В общежитии работницы молодые, доучиваются, – пояс-нила нянечка на вопросительный взгляд воспитательницы.

Саша открыла первый попавшийся атлас. Раиса Федоров-на заглянула и ткнула пальцем между двух Америк.

– Куба, мы туда не раз ходили, – тихо и с ноткой грусти проговорила она.

– Правда? – восторженно округлила глаза Саша. – Расска-жите!

– Ничего особенного. Климат, конечно, тропики. Паль-мы, пляжи. Но народ ленивый, работать они не любят, зато празднуют от всей души. Бывало, придем в Гавану, разгру-зимся и в город. А там – песни да пляски прямо на улицах!

Притом, что здания не отремонтированы, на стенах следы пуль со времен революции.

– Наверно, счастливые, раз поют и пляшут! – пожалала плечами Саша. Ей представились стройные женщины с крутыми бедрами и смуглые мужчины, чувственные движения под ритмичную зажигательную музыку... Что там танцуют – самбу, румбу?

– Счастливые, – повторила Саша.

– Нищета, – покачала головой Раиса Федоровна. – Сами в лохмотьях, а танцуют. Всю дорогу, кроме сафры – сезона сбора сахарного тростника. Зато после него – большой карнавал.

Саше стало немного завидно. Карнавал, какое солнечное, волшебное слово! Хоть бы раз увидеть... Она перевернула страницу, и перед ними открылась Австралия.

– А поеду-ка я жить в Австралию! – театральным тоном выдала девушка, готовая перещеголять тех кубинских красавиц.

Раиса Федоровна усмехнулась:

– А что, отсюда до Австралии рукой подать, – кивнула она в сторону окна, – сразу за океаном. Поезжайте, Александра Владимировна, английский вы знаете...

– Точно, буду там английскому детей учить, – на ходу сочинила Саша.

– А мужа-то куда? – усмехнулась нянечка.

– Денег заработаю и вернусь, – продолжала сероглазая

фантазерка. – Юре гитару японскую привезу в подарок...

– За японской гитарой в Японию надо ехать, а английский в Австралии и без вас знают, – разложила по полочкам няня. – Ходили мы на Японию и на вашу Австралию тоже. Правда, на берег сойти не разрешили... – умолкнув на пару секунд, Раиса Федоровна проговорила со вздохом: – И где только я ни была, по всем морям ходила, а вот с семьей не получилось. Ребенка очень хотела, для себя, но он при родах умер, задушился пуповиной...

У Саши екнуло в груди. Ей было жалко одинокую нянечку, но слов, чтобы высказать свою жалость, она найти не умела. Она была слишком молода, а еще – она была беременна. Об этом никто не знал, но Саша уже любила своего ребенка, девочку. Это ей не врачи сказали, просто она знала, что родится обязательно девочка, и она назовет ее Аней: имя возникло в голове внезапно, но она уже привыкла к нему. Саша очень ждала свою Анечку и была готова подарить ей море любви! Ее дочь обязательно будет счастлива, и они всегда будут вместе! В глубине души Саша Виват надеялась, что после рождения ребенка жизнь ее переменится в лучшую сторону. Юра урежет репетиции, сосредоточится на семье. Они разделят между собой заботы об Аннушке, вместе будут заниматься ее воспитанием, а по выходным гулять по набережной, где о берег разбиваются океанские волны, и показывать девочке большие корабли, побывавшие в далеких странах. Молодой женщине очень хотелось, чтобы в ее семье царили

взаимопонимание, любовь и счастье.

3. Спустя время в другом месте

– Алекс, теперь ты, – Лорэн Бранч, районный координатор английского факультета уступила место коллеге. Учителя друг за другом ожидали свою очередь у микрофона. Школьники сидели на травке или стояли группами, перешептываясь и нехотя слушая объявления. Было жарко, сухой воздух слабо пах эвкалиптом, и мелкие назойливые мухи то и дело норовили влететь в рот, глаза и нос, ища спасительную влагу. То там, то тут кто-то привычным взмахом руки отгонял мелькающих перед лицом насекомых.

– Привет всем. Я Алекс, предлагаю увлекательное путешествие в русский язык. Не упустите возможность узнать новый алфавит и выучить несколько иностранных слов. В моем классе будет весело, и вы сможете увидеть наглядные пособия и разные интересные штучки из России. Мы пробежимся по фотографиям и познакомимся с русской историей. Все, кому интересно, подойдите после и запишитесь. Спасибо.

Микрофон переключался к учителю информатики, агитирующую за себя. И тогда она научит делать поздравительные открытки и декоративные коробочки для подарков, которые будут очень кстати в преддверии рождественских праздников.

В старшей школе работало примерно сорок учителей, и каждый брал слово, предлагая интересное времяпровождение.

дение. В начале двухтысячных в Австралии школы подразделялись на младшую – с пяти до семи лет, среднюю – с семи до двенадцати и старшую – до семнадцатилетнего возраста. Школы существовали независимо друг от друга, но между ними поддерживалась постоянная связь и взаимодействие. Каждая состояла из нескольких одноэтажных корпусов с дошкольными участками и спортивным полем.

Первое десятилетие двадцать первого века ознаменовалось для Австралии «засухой тысячелетия». Кончалась первая неделя декабря. Еще несколько дней, и школы закроются на летние каникулы. Последнюю неделю, как всегда, посвятят развлечениям. По желанию подростки вместо занятий будут смотреть фильмы, читать в библиотеке книги, играть в компьютерные игры или в австралийский футбол на огромном зеленом овале. Закрытый спортивный зал будет привлекать полных энергии детей не меньше. Другие займутся поварской работой. Из закупленных школой продуктов приготовят интересные блюда, затем продадут их как учителям, так и учащимся, а вырученные деньги направят на текущие нужды.

Директор Фил Милтон, видный пятидесятилетний мужчина, познакомился с Алекс несколько лет назад на совещании в средней школе. На следующий год взял к себе без собеседования. «У нас есть новички. Вот, например, Алекс, учитель английского как второго языка. Прошу любить и жаловать. Мы очень рады, что теперь в наших рядах есть экс-

перт такого калибра», – так он представил коллегу на первой утренней пятиминутке перед началом занятий.

– Сегодня опять пекло. Сколько лет будет продолжаться эта великая засуха?! Куда на каникулы? – Фил отмахнул мушек от лица.

– Еще не решили. Уже лет шесть-семь без дождей. Как природа выживает? Непонятно. Невыносимая жара! А ты куда рванешь, Фил?

– Есть план покараванить. На этот раз в сторону Кубэ-Пиди.

У Алекс была мечта посетить это удивительное место, где добывают опалы! А люди селятся под землей. В прямом смысле копают, как кроты, большие норы и живут в прохладных подземных домах с известковыми стенами без окон. Кому, спрашивается, нужны окна в грунте?! Снаружи температура под пятьдесят, и бушуют песчаные бури. Дожди почти не выпадают, и деревья не растут. Вода для города поступает из подземной скважины по двадцатипятикилометровой трубе. Кубэ-Пиди, или в переводе с языка аборигенов «нора белого человека», привлекает туристов, готовых проехать почти тысячу километров от ближайшего города с прекрасным названием Аделаида, чтобы увидеть это одно из самых пустынных, отдаленных и малонаселенных мест. Некоторые задерживаются надолго в так называемой мировой столице опалов. Искатели приключений покупают разрешение на добычу хрупкого драгоценного минерала и начинают лопатить

рыжий песок в надежде разбогатеть.

«Да участники золотой лихорадки Джека Лондона просто отдыхают! Хватило бы у меня мужества вот так, под землей? Как там у Горького: «Ну что же – небо? – пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!»

Главное, чтобы не в потемках... «Откуда там, интересно, внизу воздух?» – ело в мозгу.

Несколько лет назад, впервые услышав слово «караван», Алекс представились кочевники-бедуины и одинокий караван в сыпучих песках Сахары. «Интересно посмотреть на австралийское бледнолицее семейство на верблюдах... В бурнусах и куфиях с кучей скарба, притороченного к верблюжьим седлам. Гордые дромадеры цепочкой вышагивают вдоль автомобильной трассы... люди монотонно раскачиваются на их горбатых спинах. Мимо вдоль верблюжьей тропы пролетают сверкающие на солнце автомобили – жых, жых. Чудно! Зачем им это тут, когда у каждого колеса? Чем бы дитя ни тешилось...»

Еще вспомнилась узкая кухня; за темным окошком зима, а внутри уютно и хорошо. Разомлевшая хозяйка, мечтательная докторша Марина Дубцова вдруг тихо запела по-английски неизвестную для Алекс песню:

*«Carry me caravan take me away
Take me to Portugal, take me to Spain
I know where treasure is waiting for me
Silver and gold in the mountains of Spain*

*I have to see you again and again.*²

«У Моррисона все люблю. Крайне самобытен. Хоть и наркоша был. Шестидесятые! Живи быстро, умри молодым!» – тогда сказала Марина. По-дурацки как-то расстались. Поговорить бы с ней...» – Алекс на секунду стало не по себе...

Австралийским караваном оказалась большая крепкая коробка на колесах с окнами и дверью, которую цепляют к машине – и вперед! Сзади как положено запаска и романтическое название «Морское дыхание» или «Бриллиант», к примеру. Катит такой компактный дом на колесах, а внутри все, что нужно для жизни: от двуспальной кровати и холодильника до кондиционера и туалета... Распрекрасно – все свое ношу с собой!

– Отличное направление, Фил.

– Когда домой планируешь? – продолжал директор. Он симпатизировал Алексу.

– Не в этот раз. У нас, кстати, сейчас зима.

– Интересно, все наоборот. Рождество отмечаете?

– В моих краях Новый год – большой праздник.

– Уже все мысли о каникулах, ребята? – услышала последние слова подошедшая Кейт, не молодая, но очень фигуристая и со вкусом одетая библиотекарь и учитель английского в одном лице. – Рождество – такое фантастическое время,

² Забери, караван, похить меня. Португалия ждет, Испания, Серебро, золото гористых дорог. Дай мне изведать счастливый порог (авт. пер.).

особенно для детей. Мне кажется, что в этом году нашим подопечным будет предоставлен большой выбор развлечений. Думаю, мы им угодим.

– Не спеши с выводами, Кейт. С твоим-то опытом! – Фил добродушно усмехнулся. – Оставляю вас. Еще не обедал сегодня.

Как американский солдат на параде, длинноногий директор засеменил в сторону административного корпуса, унося на плечах влажной футболки все тех же нескончаемых мелких мух.

– Ну что, наконец-то каникулы! Книжный учет закончили? – Алекс нравилось переброситься словечком с галантной мисс Е. Ученики обращались к педагогам как мисс или мистер плюс первая буква фамилии, чтобы, так сказать, не расусоливать. Кейт Е. родилась в образованной семье с британскими корнями, в семидесятых получила профессию и поехала по распределению в сельскую местность. Там молодой фермер завоевал сердце юной городской девушки с аристократическими манерами, и она осталась жить на селе, ни разу не пожалев об этом.

– Все завершили, но очень большой недочет учебников. Впрочем, как всегда. И так будет продолжаться, пока детей и их родителей не обяжут брать ответственность за школьное имущество. Не буду называть тебе цифры, но школа каждый год платит тысячи долларов, чтобы возместить невозвращенные, утерянные или испорченные книги.

– У меня долгов нет, – для Алекс была непонятна такая щедрость. «Заелись! В русской школе бы спуска не дали: потерял – плати!»

– Мм..., только студенты и... молодые учителя теряют книги, – библиотекарша многозначительно кивнула, намекая, что некоторые учителя ведут себя как дети, – кстати, я сегодня заслушалась твоей речью в микрофон! Ну просто очаровательно! Пожалуйста, не пойми меня неправильно, мне всегда нравился русский акцент, но сегодня твой говор был особенно завораживающим.

– Спасибо, Кейт, – широкая белозубая улыбка засияла на смуглом лице, Алекс были приятны комплименты коллег. – Многие считают, что он красивый и даже сексуальный, но... тяжелый.

– Противоречиво, однако... – она коснулась руки Алекс. – Ах, этот загадочный русский акцент! Вот бы мне знать еще один язык, кроме английского. Везет тебе.

4. Шестидесятые, двадцатый век

Саша Лучина родилась в первый день весны, в разгар хрущевской оттепели. Обычно на Урале в это время еще трещат морозы. Пока была маленькой, девочка с нетерпением ждала этого дня, просыпалась раньше всех, однако притворялась спящей до тех пор, пока к ней не подходила мама и не будила ласковым: «С днем рождения, Сашенька!» При этом мамини глаза излучали такое тепло и нежность...

Мама вручала девочке подарок и напоминала, что к вечеру будет накрыт праздничный стол, придут гости...

Став чуть постарше, Саша уже боялась этого застолья. Поначалу все было прекрасно. Поздравления, тосты... Мама в этот день казалась особенно красивой и оживленной. Салатовое кримпленовое платье необычайно шло к ее сочно-зеленым глазам с густо накрашенными ресницами и тщательно уложенным коротким темным каштановым волосам. Яркая, морковного цвета помада оттеняла очень светлую кожу овального лица. Папа тоже выглядел веселым, улыбался гостям, обнажая прекрасные белые зубы. Природа подарила Владимиру Кузьмичу аристократическую и броскую внешность: смугловатая кожа, высокий лоб, прямой нос и умные серо-голубые глаза под густыми черными бровями.

Вроде бы такие разные, мать и отец все-таки чем-то были неуловимо похожи, и друзья не раз говорили об этом.

Отец много шутил, торопил с тостами, подливал себе и гостям и вообще был центром застолья. Говорили о прочитанных книгах, о новых кинофильмах, и почти всегда разговор съезжал на работу.

– Отличный ты мужик, Володя, головастый, – замечал кто-то из гостей. – Жаль, недолго замдиректора завода проработал...

– Да не нужны мне эти должности! – пытался отшучиваться отец, уже почти «добравший градус». – Целый день заседания, летучки, приказы-отчеты... Нет, это не для меня – я головой люблю работать.

– Да, брат, голова у тебя светлая, что называется, самородок!

– А потому что всегда учиться хотел! Вон, наши дети в школу через двор бегают, а я – за десять километров, и все лесом. Дождь ли, мороз ли – ни разу не пропустил. Бывало, мать вслед кричит: «Бегом беги, а то замерзнешь! И по сторонам оглядывайся – волков стерегись». Вот я и бежал по сугробам. На ногах кульки полиэтиленовые, сверху носки и валенки. Как вспомню... Тут-то, в городе, чего не учиться! Я вот дочери твержу: учись, учись! А меня никто не заставлял. Матери некогда – в горькоме целыми днями, а мы сами по себе. Четверо: две сестры и два брата, я младший. Отец с войны без ноги пришел. А в мирное время начальником – завгорторга. В войну трудно жили. Впрочем, как и все тогда. Помню, послали меня с карточками за хлебом. Уж не знаю,

сколько мне было – лет пять, шесть? Домой с этой буханкой возвращаюсь, и она так пахнет... а в животе от голода аж урчит. Отщипнул я кусочек снизу – думал, поставлю на стол, никто не заметит. Потом еще кусочек отщипнул и еще. Шел и отщипывал и все помнил о том, чтоб незаметно. Так и выел всю мякушку – от хлеба одна корка, видимость осталась, а снизу дырка. Испугался я, что заругают, спрятался в сарае, поплакал там на бочке да и заснул с буханкой на кулачке. Я сплю, а меня уже ищут. Лира и Виктор, мои сестра и брат, по соседям бегали, спрашивали, не видел ли кто. А самая старшая, Лида, в магазин слетала, узнала, что я хлеб купил и ушел давно. Вернулась, в сарай заглянула, охнула, но будить не стала.

Когда поняли, что я всю буханку выел, ругать не стали, только вердикт вынесли: «За хлебом тебя больше не посылаем!»

Посмеявшись над рассказом отца, гости сдвигали рюмки под очередной тост: «Чтобы хлеба всегда было вдоволь, и главное – чтобы не было войны!»

– Так мать у тебя в горкоме работала? – уточнил один из гостей. – Удивительно, как не пострадала. Партийцев чаще всего забирали.

– Ну, звучит грозно: инструктор горкома комсомола все-союзной коммунистической партии большевиков! Правда, на волоске... Однажды не вернулась с работы. Нет и нет! Мы сходили туда, а нам говорят, что ее на черной машине увез-

ли. Отец в ответ ни слова, сидит мрачный и курит без пере­дыха. Мы уж боялись, что матери больше не увидим, но нет, через сутки она вернулась – и тоже ни слова: где была, поче­му забрали, почему отпустили. . .

– А у меня дед сгинул в лагерях, еще в тридцатых, – тихо проговорил кто-то, а хозяин сменил тему:

– Я не рассказывал, как за брата экзамен сдавал? Он вто­рой раз пытался в ленинградский политех поступить, в пер­вый год физику завалил. А я как раз школу окончил.

– И Володю сразу автоматически зачислили в Уральский политехнический, – посчитала нужным вставить Лиза, кото­рая любила мужа и гордилась им, – без экзаменов взяли, по­тому что школу закончил с золотой медалью.

– Да ладно, Лизок, – как-то застенялся Владимир. – И не совсем золотой она оказалась: как раз в шестидесятом «за отличные успехи и примерное поведение» стали вручать медали не из золота пятьсот восемьдесят третьей, а из мед­но-латунного сплава томпак, с золотым напылением.

– Все равно это считается золотая медаль! – настаивала жена, а кто-то предложил выпить за медалиста.

После того как рюмки вернулись на стол, Владимир про­должил:

– Виктор опасался, что опять физика камнем преткнове­ния будет. Вот я на день и полетел в Ленинград. Являюсь вместо него на экзамен, а один из членов приемной комис­сии смотрит на меня пристально и заявляет: «Что-то вы как

будто помолодели, по-другому сегодня выглядите». Я не растерялся и бодро так отвечаю: «Выспался хорошо!»

Гости расхохотались.

– Сдал?

– А как же, нормалёк! Помог брату осуществить мечту: уж очень он хотел жить в прекрасном городе на Неве. Ну а мы здесь. У него там архитектура, а у нас – природа!

С этим никто не спорил.

Засиживались допоздна. Включали проигрыватель, танцевали, всем было весело.

Когда гости расходились, Сашина мама принималась убирать со стола. Но стоило ей дотронуться до недопитой бутылки водки, останавливал:

– Не трогай!

– Может, хватит, Володя? – несмело возражала Елизавета Васильевна.

– Ты мне еще указывать будешь? – взрывался отец.

Когда Владимир Кузьмич добирал «определенный градус», поведение его менялось: он становился раздражительным и грубым. А пил он часто. Поводом «отпраздновать» могло служить что угодно: день рождения коллеги, премия за рационализаторское предложение или перевыполнение квартального плана, любой праздник, даже не отмеченный красным в календаре... Стоило только начать – остановиться было труднее. Поэтому и в кресле замдиректора завода просидел недолго, а в инженерах держали только за светлую

голову – по трезвости ей цены не было.

Для людей он был отличным специалистом, а для семьи...

Саша редко видела отца трезвым, хотя, возможно, это лишь детские впечатления – ведь обычно в памяти остается только что-то яркое или страшное. Коротким пунктиром в воспоминаниях мелькали мамины музыкальные утренники или поездки к бабушке. И длинными тире – страх, ежедневное ожидание отца с работы. Каким он придет: трезвым или выпившим, в благодушном настроении или нет? Не начнет ли цепляться по любому поводу, не дойдет ли до скандала, крика, оскорблений?

Мама в ответ молчала, предпочитала сгладить, чтобы не слушать ядовитые пьяные бредни мужа. Саша вся сжималась от испуга, старалась быть незаметной.

5. Переезды

Сашины родители познакомились на вечеринке у друзей в небольшом уральском городе, где родилась Елизавета – туда Владимира Лучина по распределению направили работать после окончания одного из крупнейших политехнических институтов Советского Союза. Володя сразу обратил внимание на темно-русую красавицу, и Лизе тоже очень понравился этот привлекательный и остроумный парень, душа любой компании, и вскоре юная неопытная девушка поняла, что влюбилась. Она была младше Володи на четыре года, но уже работала по профессии, музыкальным работником в детском саду. Влюбленные не хотели расставаться ни на минуту, сильное чувство подталкивало соединить свои судьбы в одну, и через некоторое время они решили пожениться. Матери Лизы, Вилене Сергеевне Донской, молодой инженер поначалу тоже приглянулся, хотя он не раз приходил навеселе. Но она все же с легкостью согласилась выдать за него дочь. Лиза тоже давно мечтала вырваться из родительского дома, убежать от строгой, подавляющей, контролирующей матери. Молодожены поселились в крохотной комнатухе общежития, которую Лучину предоставило предприятие. Через год на свет появилась Сашенька.

В советских технических вузах студенты получали военную специальность, а после окончания некоторым моло-

дым людям присваивали звание лейтенанта запаса. Это освобождало от срочной службы в армии рядовым, но в любой момент их могли призвать послужить год или два офицером. И для Владимира Лучина пришло время отдать долг родине – ему предстояло испытывать военные истребители на Алтае. Вилена Сергеевна отговаривала дочь ехать вместе с мужем: это означало жить вдали от родного дома, где-то в гарнизоне, и наверняка условия там неподходящие для ребенка – а ведь Сашеньке еще трех лет не исполнилось. Но Лиза не слушала маму, она любила мужа, не представляла длительной разлуки и поэтому поехала вместе с ним.

Гарнизон располагался по соседству с зоной для заключенных. Семьи офицеров и других служащих военного аэродрома жили в бараках, а практически напротив высился мрачный двухэтажный корпус, где содержались зэки. Лиза с соседками не раз со страхом наблюдали, как с верхнего этажа этого здания на связанных простынях спускается полураздетый человек, а в это время с другой стороны уже завывает сирена.

Сашу отдали в детсад, Елизавета устроилась на работу, Владимир летал штурманом на истребителях. Он совершил много прыжков с парашютом и гордился этим. Иногда он возвращался домой со службы веселым, приносил дочке шоколадки с силуэтами зверей и с чувством тягуче пел:

«Под крылом самолета о чем-то поет

Девочке сладости очень нравились: сначала она обкусывала шоколадку со всех сторон, оставляя в неприкосновенности белочку или ежика, и только после, полюбовавшись на зверька, целиком запихивала его в рот. Но бывало, что отец приходил мрачный, с бутылкой водки и, выпивая, плакал: это были дни, когда кто-то из его товарищей погибал на испытаниях. Однажды чуть не разбился истребитель, на котором летел Владимир Лучин – пилоту с трудом удалось посадить падающую машину на засаженное подсолнухами поле. Полутораметровые растения смягчили удар, иначе гибель экипажа была бы неизбежна.

В полетные дни Елизавета с тревогой ждала возвращения мужа – благополучно ли завершатся испытания, в каком настроении он придет, не придет ли опять с бутылкой? Владимир и раньше трезвенником не считался, а на Алтае стал пить значительно больше. В среде военных это считалось в порядке вещей, таким образом они «снимали напряжение». Лиза пыталась воздействовать на мужа, даже угрожала разводом, но все безрезультатно.

Сашенька была еще мала, чтобы осознать это. Жизнь в Барнауле ей запомнилась обрывками. Вот мама забирает ее из детского сада, и по дороге они покупают огромный арбуз – то ли на Алтае росли только большие арбузы, то ли девочке они казались огромными потому, что сама была еще очень

маленькой. Дома мама с хрустом разрезала полосатую ягоду и выкладывала на тарелку красные ломтики, предварительно удалив все косточки. Сашенька ела сахарную арбузную мякоть, а сладкий сок стекал с подбородка прямо на клеенку стола. Помыв липкие руки, сидели с мамой учить буквы. Лиза обожала свою дочку и много занималась с ней. А папа иногда перед сном наизусть читал Саше странные стихи:

*«Утром встану рано.
Мама нам расскажет,
Если мы попросим,
Про ядро урана
Двести тридцать восемь».*

Когда отмерянный срок службы подошел к концу, они вернулись в родную уральскую глубинку.

– Грядет урбанизация, будущее за большими городами, – приводил весомые аргументы муж и вскоре перевез семью в С. Саше запомнился барак на одной из центральных улиц, вонючее ведро-туалет и печь посреди комнаты.

Однажды уже по темноте, хрустя валенками по снегу, втроем возвращались из гостей. Войдя в дом, мама поставила на печь бутылку молока. «Куда, на горячее!» – крикнул отец и схватил бутылку, но было уже поздно: донце отвалилось, жидкость, пузырясь, кипела на чугунной поверхности и стекала на пол по боку печи. «Ничего не соображаешь! Дура!» – продолжал он так громко, что Сашенька даже испуга-

лась. Но мама тут же принялась убирать стекла и вытирать пол, по которому растекалась белая лужа. «Ничего страшного, – приговаривала она, – ну, извини, не подумала». Мамина покладистость девочку успокаивала, хотя пьяного отца она уже давно боялась. Зато трезвый он был другим: веселым и добрым.

Какое-то время семья прожила в аварийном доме, а потом предприятие предоставило молодому специалисту однокомнатную квартиру. Елизавета радовалась тому, что наконец они живут в отдельном жилище со всеми удобствами, огорчало одно первый этаж. Перед окнами снуют люди, слышны голоса, дверь в подъезд хлопает то и дело, а зимой холодно. Лиза надеялась, что со временем муж получит жилье получше или заработает на кооператив. Однако Владимир был человеком пьющим, связей особых не имел и вообще не умел приспособливаться. Приходилось довольствоваться тем, что было, жить в тесноте. Иногда Саша гостила у бабушки – к этому времени Вилена Сергеевна вслед за дочерью и сыном уже перебралась в С. Свою просторную квартиру на периферии она обменяла на однокомнатную в центре этого города.

Восемнадцатиметровка Лучиных была заставлена мебелью: блестящее махагоновое пианино, раскладной диван,

на котором спали родители, небольшой Сашин топчан, черно-белый телевизор, шкаф для вещей и полированный секретер с откидной крышкой, которая служила письменным столом. Крепления крышки то и дело ломались.

«Стержень вырвало с мясом, все сделано на соплях», – папа пытался чинить бездарно сделанный механизм. Мама сердилась, считая, что крышка ни при чем: «Просто у мужа руки из другого места растут».

Накануне ответственного дня, к которому они так долго готовились, Елизавета почти не спала. Утром перед тем как разбудить Сашу, она повторяла про себя: «У нас все получится». Кажется, в эту послушную детскую головку аккуратно уложились все их уроки, осталось только уложить непослушные кудряшки, накормить и нарядить. «У нас все получится».

Подготовленный ребенок безмятежно уплетал завтрак.
– Сашенька, ты волнуешься? Ты, главное, не волнуйся.

Дочка недоуменно посмотрела на маму, которая не могла скрыть трепет в голосе, и отрицательно покачала головой. Она запомнила мамины слова, что от сегодняшнего похода зависело Сашино будущее. «Будущее – это то, что будет потом», – понимала девочка. Она и не думала волноваться.

– Ты такая у меня умница. Помни, чему я тебя учила. Слу-

шай вопросы.

Большие мамины руки быстро заплетали густые русые волосы. Было немного больно, но Саша привыкла терпеть, пока мама ловко укладывала ее длинные косы в тугие кральки. Еще несколько манипуляций – и два огромных розовых банта красовались на Сашиной голове.

Через двадцать минут быстрой ходьбы они вошли в четырехэтажное каменное здание и поднялись по лестнице. Переступив порог, оказались в светлом классе, где из-за огромного длинного стола на Сашу смотрели несколько взрослых. Девочка хотела их посчитать, но не успела.

– Лучина Елизавета Васильевна? – спросил кто-то.

– Да, это мы. Здравствуйте, – Елизавета Васильевна старалась скрыть волнение за улыбкой.

– Здравствуйте. Вы, мама, сядьте вон там, сзади. А ты, девочка, подойди ближе, – скомандовала одна из сидящих.

Вдруг встревожившись, Саша не хотела отпускать мамину руку.

– Не бойся, я же буду рядом, – шепотом успокоила мама.

Первый вопрос был обычный, взрослые всегда так спрашивают:

– Как тебя зовут, девочка, и сколько тебе лет?

Девочка четко, как наказывала мама, назвала свое имя и возраст.

Вопросов у взрослых оказалось много. Дяди и тети хотели знать, умеет ли она считать, сколько месяцев в году

и где работают Сашины родители. А еще ее просили повторять какие-то странные звуки. Сначала надо было копировать сердитую женщину с круглым лицом и произнести слово «соус», зажав зубами кончик высунутого языка. Саше было смешно и неудобно. Потом ее попросили воспроизвести звук, похожий сразу и на а-а-а, и на э-э-э, широко открывая рот, – как будто она показывала больное горло врачу, который засовывал ей в рот черенок столовой ложки. Горло у Саши не болело, и она не понимала, шутят с ней или у нее во рту что-то неправильно.

– Ты любишь фрукты? А как ты отличишь фрукты от овощей?

Саша не знала. Она быстро обернулась, надеясь на мамину помощь.

– Не оборачивайся, – послышался спокойный, но твердый мужской голос. Коричневые, чуть навывкате глаза за стеклами очков рассматривали растерянное детское лицо. Девочка тоже постаралась рассмотреть лицо спрашивающего, но заметила лишь выдающихся размеров дугообразный нос и яркий румянец на бледных щеках.

– Слушай меня внимательно, – продолжал носатый дядька. – У тебя дома есть вкусное варенье. Ты открыла банку и стала есть. Одну ложку, вторую. Как правильно сказать: ты ела варенье или ты съела варенье?

Под его пристальным взглядом Саше захотелось сказать, что она вообще варенья не брала, и улизнуть от наказания.

Но прямо между тоненьких лопаток она почувствовала теплый мамин взгляд и как будто еще раз услышала: «Ты такая у меня умница... главное – не волнуйся». Пауза не успела затянуться, в гулкой комнате прозвучал тихий детский голос:

– Я ела варенье.

– Почему? – не успокаивался носач.

– Так я же его не все съела. А только две ложки. Там много еще осталось.

– Правильно. Ты умная девочка. У тебя есть логическое мышление. С артикуляцией звуков тоже хорошо, – он повернулся к маме. – Вы можете идти сейчас. До свидания.

Лицо мужчины в очках ничего не выражало, и Саша не могла понять, справилась ли она.

Уже на улице Елизавета с облегчением выдохнула:

– Ну слава богу! Молодец, Сашенька. Все закончилось! Как же мы с тобой так опростоволосились – пропустили фрукты и овощи? А ты такая молодчинка! Вопрос про варенье такой трудный был, а ты правильно сказала. Знаешь, кто был тот дядя? Учитель английского языка! – последние три слова прозвучали как заклинание.

6. Иняз

В старших классах Саша открыла для себя Достоевского. «Преступление и наказание» настолько увлекло ее, что все свободное время она проводила за чтением. Елизавета Васильевна сердилась, что дочь даже есть нормально перестала, только хрумкает яблоки, перелистывая страницы. А вот «Война и мир» не пошла – тяжелое чтиво. Как и школа! Без удовольствия отсиживала она скучные уроки, зубрила не интересующие ее точные науки. Бунтарка внутри, снаружи вполне сговорчивая, Саша училась для родителей и окружающих. Дома не хотелось расстраивать плохими оценками маму, а в школе дух соперничества и нацеленность на достижение лучших результатов вынуждали ученицу не отставать. «Старой закалки» физичку однажды прорвало:

– Я ваш интеллигентский девятый «Б» терпеть не могу! Каждый сам по себе, только и следите друг за другом, помочь или подсказать соседу – да никогда! Девятый «А» – троечники, и родители у них из рабочей среды, но все отличные ребята. Те дети живые и добрые, друг за дружку горой. Вот у них я с радостью веду уроки. А вы? – седая сухонькая женщина с пренебрежением окинула выцветшими глазами класс. – Одиночки, думающие только об оценках!

И уже спокойнее объяснила по-научному:

– Баланс не соблюден. Вас бы всех перемешать, чтобы

«ашки» успеваемость подтянули, а вы дружить научились. Получилось бы что-то типа устойчивого равновесия, как в теореме Лагранжа.

Учительница попала в яблочко. Именно в такой атмосфере училась Саша.

Чтобы не плестись в хвосте, ей приходилось учить предметы через «не хочу», как говорила мама. Школьница старалась не выпускать ситуацию из-под контроля, вовремя предпринимала шаги, чтобы исправить периодически появляющиеся тройки и вытянуть на «хорошо». Саша старалась не выделяться, но, когда нужно, могла за себя постоять. В сложной ситуации почти всегда умела выкрутиться. Вместе с Катей они иногда обсуждали будущее.

– Блин, Сашка. Скорее бы закончить школу, – Катя подперла кулаком подбородок.

– Заколебала она! – нелюбимое слово было на слуху и проникло в ее словарный запас. – Ну что, Катька, куда будем поступать?

– На иняз. Больше некуда. Зря, что ли, мы горбатились с этим английским всю жизнь? – аргументировала Катя.

Саша поддакивала:

– Конечно! Да и мама уже все уши прожужжала, чтоб после школы прямиком на иняз.

Катя смотрела на подружку и завидовала Сашиной красоте, считая ее соперницей в делах сердечных. Однажды она даже подговаривала других девчонок скрыть от Лучиной,

что в субботу вечер в Суворовском, потому что «если Сашка придет, то всех парней уведет». А та, в свою очередь, завидовала Катькиному гардеробу и тихому трезвому дому.

Девушки затушили окурки, закурили еще по «Родопи» и продолжили болтать.

Елизавета Васильевна была влюблена в английский своей дочери, точнее в его звучание.

– Саша, ну-ка скажи еще раз «зонтик»!

– Umbrella, – Саша закатила глаза. Было видно, что она делала это для мамы не раз.

– Амбрэла! – поэтично повторила мама с сильным русским «р», отведя руку в сторону, как на сцене. – Какой же красивый язык! А теперь скажи слово «помни». Опять забыла!

– Remember.

– Рэмэмбэ, – мама была в восторге, копируя дочь. – Ты настоящая англичанка! Каким еще ветеринаром ты хочешь быть? Отправят в глухую деревню, и будешь кирзовыми сапогами навоз месить или с буренками в коровнике обниматься. Ты вон какая модная, про туфельки на каблукке придется забыть.

– Да что тебе от меня надо?

– Ничего, о будущем твоём забочусь! Вечно ты с этими

животными, – посетовала мама, – тебе позволю, ты в доме зверинец откроешь. В шесть лет ты попросила лошадь и чтобы она жила в ванной, а мы все ездили купаться к бабушке. В восемь лет ты устроила конуру для бездомных собак в подъезде под лестницей, помнишь? Вымела весь мусор, и постелила на пыльный цемент одеяло, которое унесла из дома.

– Это я от тебя, между прочим, взяла. Ты ведь тоже любишь кошек и собак. Кто вчера последнюю колбасу бездомному псу отдал?

Елизавета Васильевна соображала, как отразить железный аргумент. Она действительно вчера вышла из дома и увидела бродячую серую дворнягу с милой мордой и голодными глазами. «Жди, жди тут! Сейчас что-нибудь принесу», – шепнула она насторожившейся жучке и вернулась на лифте домой. Саша подумала, что мама что-то забыла, а та торопила рукой:

– Саша, отрежь там колбасы кусок. Голодной собаке дам. Она меня у подъезда ждет.

А потом, то ли в шутку, то ли всерьез, добавила:

– Может, Бог меня потом в рай возьмет, потому что я бездомным животным и слабым помогаю.

– Бога нет, мам, – засмеявшись, заученно возразила Саша, и у нее проскользнула мысль, что мама считает себя в чем-то виноватой.

– На все у тебя ответ есть, подумаешь, кусок колбасы. Она

все равно как подошва была, – мама засмеялась. – А ушастый ежик из зоологического кружка жил? Таскала оттуда живность погостить? Он сбежал под пол и вернулся с обкусанным ухом. А потом и вовсе пропал. И ворона дома откуда же. Ну, а как ты меня напугала безногой ящерицей! Я чуть не умерла. Думала, змея!

Елизавета Васильевна говорила правду. Саша действительно очень любила животных, находила божьих тварей повсюду и тащила домой.

Когда была помладше, много времени проводила у мамы на работе. Садик располагался на втором этаже старого здания. Окна выходили на крышу широкой пристройки, в которой разместился большой продуктовый магазин.

Однажды открыв окно, Саша очутилась на крыше этого магазина. С верхних этажей за годы чего только не набросали вниз. Но главное, там жили стаи голубей. Саша кормила их каждый день хлебом и крупой, которую покупала на выпрошенные у мамы монетки. С каждым днем птиц становилось все больше, что безмерно радовало девочку. Они были все разные, не похожие друг на друга, и Саша давала своим новым друзьям имена. Если мама раскошеливалась на рубль или два, Саша покупала не только птичью еду, но и такие деликатесы семидесятых, как кусочек языковой колбасы или фигурки животных из, как было написано на ценнике, чистого иностранного шоколада.

Вскоре голуби, уже не боясь, подходили совсем близко

и даже ели с руки. Директор магазина пожаловался заведующей на шум с крыши и тучи птиц, которые кружили над головами входящих и выходящих покупателей. «Хорошо, что коровы не летают», – подняв глаза к небу, пошутил он напоследок. Сашина голубиная дрессура была разоблачена.

Учась в начальной школе, Саша принесла птенца воробья, и он прижился на подоконнике. Прыгал, клевал желтые пшеничные бусинки и громко чирикал. Даже Владимиру Кузьмичу воробьишка пришлось по душе за веселый нрав. Иногда открывали штору, и желторотый летал по квартире, пока не произошел несчастный случай. Воробушка прибила входная дверь, сильно хлопнувшая на сквозняке, когда мама пришла с работы. Хватились, воробья нет. Саша вспомнила ухнувшую дверь и сообразила, что могло произойти. Пока мама не видела, дочка на цыпочках пробежала в темную прихожую и неслышно повернула ключ. Наклонилась и... увидела расплющенное тельце в дверном проеме. Превозмогая страх, ухватила трупик за торчащее перышко так, чтобы не запачкаться кровью, сбежала по лестнице и выбросила на газон. «Слава богу, мы живем на первом этаже. Не скажу. Не хочу, чтобы мамочка расстраивалась, она себя винить будет», – рассудила по-взрослому десятилетняя Саша. А мама решила, что пернатый любимчик прошмыгнул в открытую дверь, когда она пришла, ну а оттуда на улицу.

– Я животных люблю, – снова, как тогда, в детстве, раздосадовано повторила семнадцатилетняя дочь.

– Видите ли, животных она обожает! Детей учить – очень хорошая профессия. Зверей после работы любить можно. Ты только вдумайся, доченька! Учитель английского языка! Как звучит!

– Ты всегда, мама, меня заставляешь. Хочешь, чтобы я была такая же, как ты, учительница. Я уже однажды от твоей музыки чуть с ума не сошла.

– Давай не представляйся. Играть на пианино – очень хороший навык. Могла бы быть учителем музыки. У тебя же абсолютный слух. Ты, наверное, не помнишь, но тебя при консерватории учила сама Казакова.

– Помню, помню. Ее муж был ведущим оперным певцом, а она была злюка. И уроки прогуливала, за которые ты по 15 рублей платила.

– Точно! Как ты помнишь всё это? – удивилась мама.

– Все про это пианино помню, потому что ненавидела. Слушать музыку или танцевать под нее я обожаю. А та долгоязая и не учила меня играть, только стучала своими длинными острыми красными ногтями по клавишам.

– Ну, уж ты скажешь! Все в прошлом, Саша. Сломала ты меня тогда своим упрямством: «Не пойду больше в музыкальную школу, и хоть режь». С английским хоть не подведи, доченька. Поступай, дорогая, на иняз. Пожалуйста.

Саша воодушевленно зубрила экзаменационные билеты и закончила десятый класс без троек. Вскоре из последних сил ударницы Макеева и Лучина уже сдавали вступительные экзамены в педагогический институт на факультет иностранных языков, но им не удалось набрать необходимое для зачисления количество баллов.

– Накрылся ваш иняз медным тазом, – Владимир Кузьмич зыркнул на дочь.

– Зачем ты так, Володя. Саша на будущий год снова попробует. – Мама ободряюще глянула на Сашу: – Правда, доченька?

– Не знаю, – честно призналась вымотанная экзаменами девушка.

– Если ты такая тупая как пробка, нечего время терять. Работать пойдешь. Попробую определить тебя на производство сварщицей, – унизил словом подвыпивший отец. Трезвый он бы так не сказал. А вот на закрытый военный завод под кодовым названием «почтовый ящик» Владимир Кузьмич действительно вскоре устроил дочь.

Катю тоже пристроила в бухгалтерию, себе под крылышко, ее мама, и пути закадычных подружек разошлись.

Сварщица-ученица Саша и еще семь таких же неудавшихся студенток осваивали в прямом и переносном смысле ювелирную работу, припаивая золотые усики на малюсенькие схемы, видимые только под микроскопом. Поочередно прижимая то один, то другой глаз к окуляру, Саша мечтала

о пылкой любви и быстрой захватывающей жизни, полной приключений.

Однажды она купила в киоске справочник для поступающих в вузы Советского Союза. По вечерам, от нечего делать, Саша пролистывала толстенькую книжку в мягком переплете и удивлялась, как много институтов в ее самой большой в мире стране.

– Мама! Я знаю, куда буду поступать на следующий год! – крикнула она из комнаты и, не дождавшись ответа, громко прочла: – Институт иностранных языков, переводческий факультет.

– Что ты вечно из комнаты выкрикиваешь, – мама появилась в дверях.

– Зачем мне этот никчемный всего лишь педфакультет?! Я попробую выше прыгнуть. Институт иностранных языков, переводческий – это совсем другое дело! Поеду на поезде в город Г. поступать! Выучусь на дипломата. Буду работать в министерстве иностранных дел.

– Да ладно представляться! Где ты в этом Г. жить будешь? В общежитии? Да и деньги откуда? – скептически рассуждала мама.

– Я все продумала. На заочное пойду, а работать здесь устраюсь, – Сашины глаза горели. Елизавета про себя удивлялась и восхищалась мыслями и новыми идеями своего отпрыска.

– А на поступление вам надо мне деньги найти, – заявила

дочь.

– Не знаю, Саша, – засомневалась мама, но уже решила провести с мужем разъяснительную работу.

– Водку пить есть на что, пусть он мне на поездку деньги даст. Вы же хотите, чтобы я в институте училась? – зло выпалила она.

Вместо слова «папа» Саша всегда говорила «он». Это слово было формой протеста против пьянства отца. Он никогда не занимался ее воспитанием, обычно передавая свои к ней требования и замечания через жену. Саше казалось, что отец стесняется показать свою доброту и говорить с ней искренне и напрямую, что, несомненно, было большой ошибкой.

Саша набрала междугородку и начала бодро задавать интересные ее вопросы.

– Извините, вы кто – девушка или юноша? – спросил женский голос на другом конце провода.

Саша тихонько прыснула от дурацкого вопроса.

– Я девушка, – она покрутила у виска и подмигнула смотрящей на нее маме.

Выслушав что-то, попыталась спорить:

– Почему? Это нечестно! Ну ладно. Я подумаю, до свидания.

Саша с возмущением пересказала маме, что на переводческий берут исключительно парней и обучение только очное. Таковы правила. Заочно можно учиться на педагогическом факультете.

Советский Союз был первой страной в мире, создавшей систему заочного обучения с целью обеспечить доступность образования для всех категорий граждан. Развитие заочного образования началось уже через два года после Октябрьской революции семнадцатого года, а в 1938 году для заочников были установлены дополнительные оплачиваемые отпуска по месту работы.

– Да чем парни лучше нас? Мы сообразительней! – негодовала гордая Саша.

– Нет. На всех важных и ответственных постах работают мужчины, потому что они умнее. А женщины занимаются воспитанием детей, – убеждала мама.

Дочь сомневалась. «Женщины еще и работают. Еще стирают, прибирают, готовят еду, таскают тяжелые сетки с продуктами. Мужчины хоть и работают, но многие пьют, детей не воспитывают, еду не готовят и по дому редко помогают», – подумала, но вслух не сказала, потому что мама старше и знает больше.

Одной срываться в незнакомый город было как-то страшновато, и Саша подбила на эту авантюру соседку по золотой сварке Леру Лещикову, красочно описав их будущую веселую учебу и удивительную жизнь вдали от дома. Родители девчонок тоже загорелись Сашинной смелой идеей и наняли своим чадам репетиторов по английскому, чтобы увеличить шансы на поступление. Лере репетитор был нужен как воздух, Саше – для тонуса.

Мечты сбылись. Саша настолько хорошо сдала вступительные, что значилась второй в списке по количеству набранных баллов. Первые два года каждый мечтал сесть рядом с королевой диктантов и контрольных работ Сашкой Лучиной. Она снисходительно помогала рядом сидящим и с удовольствием разрешала списывать. Английская школа давала о себе знать, и девушка сдавала сессии шутя.

Два года назад Саша повстречала свою первую любовь. Эта любовь была чуть выше ста восьмидесяти сантиметров, сильной, как легкоатлет, и свободной до бесшабашности.

Мама как-то заметила, что во дворе собирается компания на мопедах и один парень «ну просто красавец». Его звали Юрой. Саше вообще везло на это имя. С первого взгляда девушка влюбилась! Оцепенела, задрожала, ночью не могла уснуть. Ей казалось, что она уже знает его тело, запах, прикосновения. Она была готова отдаться ему не раздумывая. Просчитала до мелочей, как познакомиться и не выказать свою любовь.

Вечерами стали собираться группой на лавочке. И, наконец, пошли гулять вдвоем. Она сама попросила его перенести ее на руках через лужу... и еще раз, и еще. Потом целовались врасос так, что от талии вниз все тянуло и неистово ныло.

Юра жил в высотке неподалеку, в такой же квартире, как у Саши. Эта семья жила бедно и непритязательно. Юрин отец, военный советник, погиб во Вьетнаме от пулевого ранения в голову, однако, как гласило свидетельство о смерти, покончил жизнь самоубийством. Юрина мама, Наталья Ивановна, трудившаяся табельщицей на одном из уральских заводов, была женщина тихая, простая. Она поддерживала маломальский порядок в их обшарпанной квартире, придя с работы, готовила нехитрую пищу, а по вечерам в одиночестве пила вино и засыпала под телевизор.

Азартная красотка Саша была не ее поля ягода, и говорить двум женщинам было, в общем, не о чем. Юра и его младший брат Павлик, который учился в шестом классе, спали в маленькой комнате. Но, когда Саша начала оставаться у них ночевать, брат переехал в мамину комнату. Тогда-то она и дала возлюбленной сына незавидную кличку Акула.

Саша почему-то знала, что этот дом ждет медленная деградация: так вянут осенью однолетние цветы, и ничто не в силах этого изменить. Но ей море было по колено. Открытым текстом предлагала она своему возлюбленному всю себя, но он наотрез отказывался, а вскоре ушел в армию. Сексуальная молодая девушка не страдала от недостатка внимания со стороны мужчин и однажды осталась ночевать у вполне приличного парня из вполне приличной семьи. Как это часто бывает, когда родители уехали на дачу, собралась веселая компания. Под музыку, вино и с Сашиного со-

гласия Игорь лишил ее девственности. Когда его родители предложили Саше переехать к ним, она отказалась, потому что не любила этого случайного парня и чувствовала себя в их доме чужой.

Юра вернулся из армии, и их любовь вспыхнула с новой силой. Давние Сашины мечтания о близости с ним случились наяву: и его запах, и прикосновения. Именно так, как она себе представляла. Она любила его сердцем и всей своей плотью: нелогично, неистово и свободно.

Пьяные от вина и поцелуев вперемешку слушали на катушечной бандуре сексуальную, протяжно-ритмичную музыку:

*Galaxy police, police, police,
Galaxy police, a-ha
I've got to get away
They're comin' after me, after me
So, help me get away
From this terrible place
Hide me,
Before I get lost in space...³*

Всю ночь напролет отдавали себя друг другу без остатка, а наутро во влюбленной девичьей голове гудело:

³ Галактическая полиция, полиция, полиция, Нам нужен светлый путь
найди Из этой страшной темноты, Лишь руку звездам протяни (авт. пер.).

I am your automatic lover

Automatic lover

Longing to be touched

Longing for a kiss

Whisper words of love

Tell me that you miss⁴

Будучи старше на два года, Юра любил свою юную жгучую подругу, старался заботиться о ней, как мог.

Саша обожала каждую клеточку его красивого, полного мужской силы тела. Они были превосходной парой, и Саша замечала, как женщины разного возраста останавливаются на нем взгляды и даже оборачиваются. Наверное, при правильном воспитании и образовании он бы мог танцевать в варьете. Но он был просто безденежным парнем из ее двора, закончившим десятилетку. Без желания, а скорее всего – возможности что-то менять.

Как-то утром Саша начала чистить зубы и ее вырвало. Девушка удивилась.

– Мама, меня тошнит.

– Господи! – Елизавета Васильевна побелела.

Саша уже любила своего будущего ребенка. Наивная девушка без труда воображала себя счастливой мамочкой, заботящейся о своем дитя. Она представляла пухленькие ручки ребеночка, глядящие ее по щеке, и то, что она почувству-

⁴ Я твой автоматический любовник, Автоматический любовник, О близости мечтаю. Целуй, шепчи о страсти мне, Произнеси: «Скучаю!» (авт. пер.).

ет, когда ее мальчик или девочка впервые назовет ее мамой.

Самый лучший и самый красивый в мире муж Юра будет гордо катать коляску со своим первенцем. Он позаботится о своей молодой семье. Жить, правда, негде, но можно что-нибудь придумать. Она даже не сомневалась, что Юра будет прыгать от счастья. Вместо этого красавец сник, намекал на аборт, а потом и вовсе спрятался в кусты. Возможно, он струсил от неожиданности, был не готов, и все бы утряслось, если бы Саша дала ему время. Но она была слишком горда и горяча не только в любви, но и в словах.

– Забудь обо мне. Больше никогда не звони и не приходи. Ты просто трус.

Она ушла с высоко поднятой головой. А потом ревела навзрыд, захлебываясь слезами.

– Он не хочет на мне жениться. Но я все равно буду рожать.

Тут мама бросилась перед дочерью на колени и с перекошенным от жалости и страха лицом начала умолять пойти в больницу.

– Ребенка, без мужа! Где ты будешь с ним жить? У нас тут и так сумасшедший дом! На что? У тебя ни образования, ни нормальной работы. Испортишь себе будущее! Умоляю, сделай аборт!

– Предательница! И ты меня предала! – в ужасе от вида и слов своей мамы орала Саша.

А тут еще отец снова запил и вечером цеплялся к маме.

Да и Саше досталось. Он, того не ведая, задел за живое.

– Я, между прочим, работаю, имею право выпить. Короеды! И ты тоже, дылда, смотри у меня! – гаркнул он зашедшей в кухню дочери. – Попробуй только в подоле принести. Вышвырну на улицу.

Лучин бы, конечно, не вышвырнул, но Саша стала думать свою тяжелую думу. День и ночь один и тот же вопрос звучал у нее в ушах: «Что делать?». Жить действительно было негде. Квартиры тогда не сдавали. Да и на что? Саша с ненавистью и отвращением подумала о своем отце. Он пил много, просто страшно пил. И тогда ей хотелось бежать куда глаза глядят, без оглядки.

Но бежать было некуда. Ни ей, ни маме с восьмилетней Ниной. Саша не хотела подвергать своего будущего ребенка ужасам, в которых сама жила с рождения. Она тянула до последнего и в двенадцать недель пошла на аборт.

«Так, наверное, выглядит морг», – подумала девушка, войдя в операционную. Рыдая, взобралась на кресло.

– Пациентка не готова, – несколько раз низким голосом строго повторила широкая женщина в грубом, с темными пятнами, фартуке.

Пустой поддон, в котором скоро будут плавать куски ее ребенка, привел Сашу в ужас. При тусклом свете сквозь слезы несчастная в оцепенении смотрела на женщину-мясника.

– Я готова, готова...

Несколько уколов затуманили ее рассудок. Она обмякла

и с безразличием ощущала, как из нее что-то тянут и выскребают. Кто-то помог ей сойти вниз.

Она краем глаза увидела яркое кровавое озеро в чашке и заревела так громко, что стены живодерни содрогнулись. Сашу провели по коридору и указали на кровать. Слезы душили. Соседки по палате наблюдали.

– Видимо, первый раз, бедная.

Сколько себя помнила, Саша считала себя невезучей, а после аборта просто потеряла веру в будущее. Она не заслуживала ничего хорошего, потому что смалодушничала, убила своего не родившегося, но уже любимого ребенка, и вместе с ним умерла часть ее доброй души.

Такая же веселая и остроумная, внешне Саша не изменилась, но ее душа блуждала в темноте. Часто девушка посещала компании не потому, что ей это нравилось, а потому что, выпив, отпускало, можно было забыть о своем несчастном доме, неудавшейся первой любви, аборте. Алкоголь, который она ненавидела с детства, теперь делал Сашу счастливой и беззаботной. Спасительное вино согревало, уводило от реальности. Все вокруг пили, и найти подходящую компанию было несложно. На ее счету появилась еще пара походов «в морг», но теперь бедняжку волновали только медицинская часть вопроса и плохо переносимая физическая боль. В кромешном мраке душа очерствела, и Саша не понимала, как дальше жить. Не находя себе места в этом мире, Александра Лучина дружила с такими же заблудшими бедо-

лагами, как и она сама. Дважды пропустив сессию, решила и вовсе бросить институт. Но тут Елизавета Васильевна всем своим авторитетом и настойчивостью убедила дочь продолжить учебу. Саша поехала сдавать хвосты и текущие экзамены.

– Ты что думаешь, Лучина, тебе все можно? – бросила экзаменатор по английскому, Мария Григорьевна, которую все боялись за суровый нрав.

Но Саше было все равно. Она пришла на экзамен навеселе. И совершенно не подготовленная. Со словом «неуд!» студентке указали на дверь.

– Если еще раз в таком виде появишься, добьюсь, чтобы тебя отчислили! – гремела вдогонку преподаватель.

Сашина голова гудела после вчерашнего, но она прекрасно отдавала себе отчет в том, что только что произошло. Она опозорилась. Ее оставляют на второй год, а может, и вовсе вскоре отчислят.

Все те, кто списывал у нее когда-то, не посочувствовали и не поддержали. Да и что бы они могли ей сказать или чем помочь?! Она им больше не была нужна. Даже ее худенькая подруга Лера Лещикова тут же переметнулась к новенькой на курсе – отличнице Ольге Гулькиной. Та приезжала на сессии из ГДР, где работал ее муж, окончивший переводческий факультет.

Саша вернулась в родной город с опущенной головой, ходила как пришибленная, но это продолжалось недолго. Уже

скоро она воспряла духом. Ее личность, как и полагается астрологической небесной рыбке, была очень многогранна. Отбросив эмоции, честолюбивая Саша взялась за учебу со всей серьезностью. Она много занималась и благодаря незаурядному творческому потенциалу справилась со сложной задачей подчистить все долги и приехать на очередную сессию.

Мария Григорьевна принимала экзамен у Александры Лучиной и победоносно улыбалась.

– Так-то лучше. Держите заслуженную четверку, – англичанка самодовольно усмехнулась, протягивая зачётку. – И в добрый час. Надеюсь, мы будем теперь видеть вас регулярно.

– Спасибо, – Саша расплылась в улыбке.

В душе она действительно была благодарна преподавателю за то, что та вовремя дала ей отрезвляющую оплеуху. Ну и, конечно, своим маме и бабушке, которые болели за нее всей душой и поддерживали в трудный период.

Через два года, в июле, Александра Лучина окончила институт и получила диплом о высшем образовании.

7. Дальний Восток

Когда Саша вернулась домой с дипломом, Елизавета Васильевна встретила ее счастливой улыбкой:

– Победа!

– Наконец-то, – выдохнула Саша.

Взяв у дочери из рук новенькие корочки, мама зачитала с гордостью:

– Институт иностранных языков, по специальности английский... А ведь чуть не бросила, помнишь?

– Конечно помню. Спасибо, мамочка, что уговаривала не бросать, и хорошо, что я тебя послушалась. Только вот в школе неохота работать. Вот бы гидом где-нибудь пристроиться или техническим переводчиком... – девушка попыталась представить себя на такой работе и не смогла.

– Школа – тоже неплохо. Рада, что помнишь, как я с тобой билась. И отец, между прочим, твои поездки оплачивал. Ты вот о нем плохо думаешь, а сама вся в него. То же упорство, настырность. Забыла, как зубрила по ночам, к экзаменам готовясь?

– Мам, только не надо меня с ним сравнивать! Он алкаш, всю жизнь нам испортил. Много зарабатывает, а толку? Потом сам же все и пропивает.

– Не все, на твою учебу Володя не жалел. Злая ты, Сашка. Вот Ниночка добрая.

– Ничего, подрастет – тоже поймет, – не унималась Саша. Разгорающуюся ссору прервал телефонный звонок. Мама сняла трубку.

– Да, я... Кто... Лида? Здравствуй, Лидочка!.. Нет, Володя в командировке в Прибалтике... Помогает литовским специалистам, там гидроэлектростанцию строят. Вот запустят, и вернется домой... Нормально, все хорошо... Сашенька? Только что вернулась. Закончила институт, закончила...

Саше было неинтересно слушать разговор с далекой тетей Лидой, и она прошла в комнату, которую делила с младшей сестрой. То ли из-за большой разницы в возрасте, а может, из-за Сашиного эгоизма отношения между сестрами нельзя было назвать близкими, душевными. Вероятно, Нине хотелось, чтобы умная взрослая Саша стала ей подругой и советчицей, не исключено, что безразличие старшей сестры даже ранило душу младшей, но она этого не показывала.

Сестры были совсем разными: и по характеру, и внешне. Все говорили, что Саша пошла в Лучина, а Нина – в маму – может, поэтому та относилась к младшей дочери с большей теплотой. У Нины тоже были зеленые глаза, длинные и пушистые ресницы, кожа белая, как у Елизаветы, только сейчас на лице девочки появились подростковые прыщики, которых она очень стеснялась. Свои густые с рыжинкой длинные волосы Нина забирала в хвост.

Глядя, как Саша перебирает вешалки в шкафу, Нина спросила ей в спину:

– Ты куда-то пойдешь сегодня вечером?

– Не знаю, – буркнула Саша, не оборачиваясь.

Младшая сестра, собиравшаяся на пробежку и только что натянувшая синие тренировочные штаны, поняла, что разговора опять не получится, и тихо вышла из комнаты.

Саша стояла перед распахнутым шкафом, нахмурившись. На вечер совершенно нечего надеть. Весь ее гардероб состоял из нескольких застиранных кофточек и пары юбок – узкой черной и бежевой, фасона полусолнце.

Елизавета Васильевна не слишком жаловала Лидию. Она считала ее женщиной недоброй и надменной и не могла забыть услышанный случайно на собственной свадьбе разговор двух сестер новоиспеченного мужа: «И чего Володя эту Донскую выбрал, передок у нее какой-то особенный, что ли?» – заносчиво говорила Лида, по-видимому, считавшая, что ее красавец и умница брат достоин лучшей невесты.

Теплых отношений с золовкой так и не сложилось, поэтому неожиданное предложение Лидии прислать к ним Сашу порядком удивило Елизавету, но и обрадовало. Конечно, далековато, восточная окраина Советского Союза, но город большой, портовый. Лида говорила, что на первых порах племянница может остановиться у них, убеждала, что в Приморье ей будет легко найти работу переводчицы и выйти замуж – может, даже за капитана дальнего плавания...

Сашу предложение тетки ошарашило, но она тут же подумала, что это счастливый шанс. Конечно, она любила своих

родных, но обстановка в доме ее настолько не устраивала, что подчас хотелось бежать куда глаза глядят.

Дальше все было как в тумане: отец выслал деньги, мама купила билет на самолет... И вот с полупустым чемоданом и тридцатью рублями в кармане Александра Лучина очутилась в неведомом и удивительном краю под названием Дальний Восток.

Все здесь было другим. Большой, продуваемый морскими ветрами город на сопках, вззирающих на бескрайний океан; корабли у причалов, навевающие мысли о путешествиях в счастливое неизведанное. На улицах часто попадались люди в морской форме, и близость дальневосточной границы была очевидна – в городе жили и работали китайцы, корейцы, вьетнамцы. На полках в магазинах удивлял богатый выбор морепродуктов, а также корейская морковка, китайские специи и деликатесный дальневосточный папоротник, особо полюбившийся Саше.

Лидия Кузьминична всю жизнь была домохозяйкой, потому что в свое время удачно вышла замуж. Теперь ее муж-военврач Евгений имел звание адмирала флота. Вместе с ними в большой квартире в новой высотке жили два Андрея: сын, командир военного корабля, капитан первого ранга, и двенадцатилетний внук.

В семье тетки Сашу приняли хорошо, однако чуть ли не в первый же день Лидия посоветовала племяннице поторопиться с поисками работы, желательно с жильем. Саша

прекрасно поняла намек и уже через месяц работала воспитателем в детском саду. Садик был ведомственный, от швейной фабрики. У фабрики имелось общежитие, и Саша переехала туда.

Поначалу она чувствовала себя обманутой – тетка наобещала с три короба, сорвала с насиженного места, а потом просто избавилась от нее. Девушку одолевали страхи, ей было неуютно жить одной вдали от дома, ведь несмотря ни на что, свою семью она любила. «В конце концов, всегда можно вернуться, – успокаивала себя Саша. – Да нет, все устроится, все будет хорошо. Я точно знаю. Надо принимать жизнь такой, какая она есть. Живут же здесь другие, и я приспособлюсь».

Общежитие было относительно новым, гостиничного типа, такие еще называли малосемейками или гостинками. Саше предоставили койко-место в комнате, где стояли четыре железные кровати с панцирными сетками и четыре тумбочки. Больше бы туда ничего не вошло. За стенкой туалет и ванна, а еще закуток, куда втиснулись холодильник и стол. На нем электроплитка и кухонная утварь. Обстановка более чем скромная.

В первую же ночь Сашу атаковали клопы. В панике ей показалось, что их здесь миллион, не меньше.

Утром, увидев, с каким ужасом Саша рассматривает расцарапанное, покрытое волдырями тело, Ирина, тридцатисемилетняя соседка по комнате, пробасила:

– Ерунда. Это они новую кровушку почуяли, вот и озверели, – она сипло захохотала и завершила цинично: – Ничего, скоро клопы привыкнут, и ты тоже...

Соседка показалась неприятной и грубой особой, но позже Саша узнала ее историю. Подвыпив, Ирина поведала, что прежде жила с семьей в Амурской области. Однажды уехала за продуктами в город, а когда вернулась, обнаружила на берегу реки тела обеих дочек и мужа. Убийц так и не нашли...

Характер у Иры был непростой, и внешность далеко не миловидная: выпяченная нижняя челюсть и маленькие злые глазки. Когда она сверлила ими собеседника, то походила на бульдога, готового цапнуть, если тот попробует возразить. И все-таки Саша чувствовала, что где-то в глубине души Ирина готова на добрые и благородные поступки. Своей тяжелой работой на фабрике женщина гордилась. «Я штамповщица!» – заявляла она, по-дурацки задирая голову вверх и слегка потряхивая подстриженными под горшок прямыми волосами. Частенько руки Ирины были забинтованы. Глубокие резаные раны от картона гноились и долго не заживали, но она не жаловалась. Перенесенное горе будто покрыло панцирем ее тело и душу. Деликатностью она не отличалась и иногда приказывала погулять до определенного времени, поскольку к ней придет «е..арь».

Одно койко-место в их комнате пустовало. На третьей кровати спала молоденькая смазливая девчушка Оля, которой только что исполнилось восемнадцать. Однажды к Оле

зашел в гости знакомый парень Юра. Внешне он был неказистый, совсем не в Сашином вкусе: невысокий, с крупной головой, кожа лица изрыта следами от глубоких прыщей; маслянистые темные, почти черные глаза, в которых невозможно что-либо прочесть.

«Татарин какой-то», – определила для себя Саша и ошиблась. Позже свекровь рассказывала, что у них в роду был бурятский шаман.

Молодые люди разговорились, потом вышли покурить к мусоропроводу. То, что Саша окончила институт иностранных языков и говорит по-английски, вызвало у Юры восхищение. Она только снисходительно улыbnулась в ответ на дифирамбы. Ей и в голову не приходило флиртовать с парнем, который и внешне несимпатичный, да еще младше на четыре года.

Юра приходил почти каждый вечер. Говорил он мало, но не матерился и казался вполне правильным парнем. Он работал на фабрике грузчиком и учился в институте на заочном. После работы Саша помогала ему с английским, а он играл на гитаре и пел. Репертуар приличный: Макаревич, «Аквариум», «Веселые ребята». «Хорошо, что не заунывная, давящая безнадегой тюремная «романтика», – отмечала про себя Саша.

Заведующая общежитием и Юрины родители были земляками, и благодаря его участию Саша вскоре переехала в другую комнату, по соседству с Юрой. Это более про-

сторное жилище она делила всего с одной соседкой, молодой доброжелательной украинкой, работающей на фабрике. Вскоре хохлушка съехала, и Саша блаженствовала одна. Она и не заметила, что стала скучать, когда Юра уезжал в небольшой районный центр навестить родителей.

Попыток соблазнить Сашу Юрий не предпринимал. Все случилось спонтанно, бездумно, после какой-то вечеринки. Произошедшее ее не очень удивило и ничем особо не запомнилось, и все-таки близкое соседство и свободная комната привели к тому, что Юра стал проводить у Саши каждую ночь. Вначале девушка не относилась к парню всерьез, но постепенно начала думать о нем как о возлюбленном. Однажды Юра признался, что по пути на работу его качает после бессонных бурных ночей, но все равно он чувствует себя самым счастливым человеком на земле. Саша тоже ощущала необычайную легкость и приятную боль в паху, напоминающую о ночи, проведенной почти без сна.

Как любой девушке ее возраста, Саше хотелось выйти замуж и родить ребенка. Через некоторое время она намекнула Юрию, что надо бы как-то узаконить их союз, и подкрепила свое предложение тем, что тогда можно открыто ночевать вместе, и в комнату уже никого не поделят. Когда парень с удивленной физиономией заявил, что он еще молодой и ему рано семью заводить, Саша обиделась.

– Мне уже двадцать пять, я времени терять не могу. Буду искать мужа, а ты больше ко мне не приходи, – твердо про-

говорила она.

Ошарашенный любовник не хотел идти к себе, но Саша была непреклонна. И все-таки, когда Юра ушел, она всплакнула. Что ни говори, одной быть плохо...

Через несколько дней Юрий одумался и предложил пожениться. Улыбнувшись тому, что повела себя правильно, Саша поинтересовалась:

– Когда позвонишь домой?

– Я своим сообщать не буду, – пряча глаза, пробормотал жених.

– Как не будешь? Почему? – поразились она.

– Не хочу, и все, – отрезал он. – Потом скажем.

«Боится, что отговаривать начнут, – поняла она. – Мол, невеста старше, а тебе только недавно двадцать исполнилось, погуляй пока...» Сердце кольнуло обидой, но Саша загнала ее поглубже и независимым тоном проговорила:

– А я-то думала, они нам деньгами на свадьбу помогут. Да и вообще – нехорошо это. Ну да ладно. Я у своих попрошу.

С переговорного пункта она дозвонилась домой. К телефону подошел отец, и пришлось сообщить новость ему. Папа обрадовался, сказал, что за три месяца к свадьбе подготовиться вполне можно, а они все прилетят на регистрацию и торжество.

Саша невольно покраснела и повернулась в тесной кабинке спиной к людям в зале. Ей было стыдно.

– Не надо прилетать, пап. Юриных родителей не будет,

он почему-то не хочет им говорить. Мы просто распишемся и посидим в ресторане со свидетелями...

На том конце провода повисла напряженная пауза.

– М-да, – наконец проговорил Владимир Кузьмич, – а деньги-то на свадьбу у вас имеются? На кольца, церемонию, ресторан?

Саше нечего было ответить, но ее молчание оказалось красноречивее слов.

– Все понятно, – сделал вывод отец. – В ближайшее время перешлю тебе рублей восемьсот. Хватит?

– Конечно! Спасибо, папа!

По пути с переговорного пункта, размышляя о неожиданной щедрости отца, Саша пришла к выводу, что он верит в ее здравый рассудок и, несмотря ни на что, по-настоящему любит и рад за нее. Хорошо, что не мама к телефону подошла, наверняка бы сказала, что эта затея со свадьбой выглядит странновато.

Светло-голубое свадебное платье Саша сшила сама, на руках, – позже она узнала, что это плохая примета. В день торжественной церемонии тоже все не заладилось с самого утра: тайфун свирепствовал уже несколько дней, дождь лил как из ведра, и заказанное такси задержалось на полтора часа. В загсе неявившуюся пару выкинули из очереди, и чтобы церемония бракосочетания все-таки состоялась, пришлось потратить немалое время на уговоры. После, как принято, поехали кататься по городу, фотографироваться в памятных

местах. Дождь как раз кончился, однако в воздухе стояла такая сырость, что объектив у приглашенного фотографа постоянно запотевал, снимки получились плохие.

По дороге в ресторан Саше пришлось открыть окно – в машине нечем было дышать, и в ту же секунду ее лицо, шею и платье на груди окатило грязной водой из-под колес пролетевшей рядом японской иномарки. Последствия трагедии пришлось ликвидировать в туалете ресторана, но пятно на платье все равно осталось заметным.

В затемненном зале крутили разную музыку. «Розовые розы Светки Соколовой» и «Мираж» сменяли живые голоса за соседним столиком. «Как пить дать капитан дальнего плавания», – оценила Саша седовласого в красивой морской форме с орденами военной выправки соседа. Он самозабвенно пел, и ему подпевала серьезная дородная чопорно одетая дама, похожая на жену капитана дальнего плавания. С ними за длинным столом, тоже в морской форме, очевидно, сослуживцы с семьями, не отставали:

*«Хорошо из далекого моря
Возвращаться к родным берегам.
Даже к нашим неласковым зорям,
К нашим вечным полярным снегам...
На пирсе тихо в час ночной,
Тебе известно лишь одной,
Когда усталая подлодка
Из глубины идет домой».*

Нагулявшись вдоволь и немало выпив, молодожены и Юрий друг с девушкой вышли из ресторана. В темноте на мокром асфальте яркими пятнами отсвечивали огни фонарей. Они шли по обочине дороги, голосуя проезжающим автомобилям, но все проносились мимо. Увидев фары очередной приближающейся машины, Василий, свидетель на свадьбе, размахивая руками, выскочил прямо на дорогу. Автомобиль остановить удалось, но из него вышли два милиционера. Не разбираясь, в чем дело, они сходу накинулись на Васю. Получив удар по голове, тот упал и потерял сознание.

Юрий застыл, ошарашенный, а обе девушки пытались защитить парня, кричали: «Он ничего не сделал, за что вы его бьете, перестаньте!»

Только милиционеры не слушали. За руки и за ноги они забросили тело Василия в кузов машины и укатили.

Наступила тишина. Трое оставшихся на дороге виновато переглядывались. Все произошло так быстро... Вскоре они поймали попутку и в молчании доехали до общежития.

Утром Васю выпустили из вырезвителя. Парня рвало, у него жутко болела голова, и он утверждал, что ничего из вчерашнего не помнит. Однако неделю спустя он выместил злобу на своей девушке: обвинил в том, что она не бросилась спасать его от ментов, и избил. Сашу не слишком поразило, что к Юрию у друга претензий не имелось. Она

вспомнила горе их семьи от алкоголизма отца и подумала: «Сколько же мужики приносят горя, и у них всегда и во всем виноваты женщины!»

Началась семейная жизнь. Юрий продолжал двигать ящики на фабрике. Тайком от жены он бросил институт и продолжал по вечерам бегать на репетиции. Саша решила уволиться из детского сада. В городе стали появляться частные фирмы, и она нашла себе работу в ООО «English plus⁵». Новое дело нравилось девушке намного больше. Красивая, модно одетая, Александра производила впечатление уверенного в себе человека и сумела организовать классы английского языка в нескольких школах и дошкольных учреждениях. Она давала уроки с утра до вечера и стала зарабатывать раза в четыре больше, чем муж. На фирме ее хвалили, дети восхищались веселой и доброй англичанкой, и вскоре появились желающие брать частные уроки. От них Саша отказывалась, ссылаясь на занятость, а на самом деле опасаясь, что не выдержит такой нагрузки – ведь она была беременна.

Плотный график не оставлял свободного времени, но Александра не забыла о Раисе Федоровне. Она испытывала симпатию к пожилой немногословной нянечке и однажды заглянула на восьмой этаж. Постучав и открыв незапертую дверь, сообщила:

– Здравствуйте, Раиса Федоровна, это я, с тортиком пришла.

⁵ Английский плюс.

Няня поздоровалась в ответ. Не заметив ее заплаканных глаз, Саша открыла коробку с шоколадно-вафельным тортом и поставила его на стол.

– Как у вас дела, как там наши воспитки в саду? Все сплетничают?

Автоматически выставив две чашки с блюдами, Раиса Федоровна вздохнула:

– Ах, Александра Владимировна, какие они злые! Работаю, никого не трогаю, а все равно найдут, чем обидеть.

Женщина присела на край кровати. Во всей общаге стояли скрипучие койки-близнецы со старыми матрасами на провисающих панцирных сетках. Прищуренный глаз Раисы Федоровны слезился, и у Саши вдруг сжалось сердце. Мама тоже порой плакала вот так, беззвучно. Как-то там они с Ниной? Наверное, папаша их с ума сводит своими запоями...

Чтобы не думать о плохом, она поинтересовалась у нянечки, которой недавно удалили маточные миомы.

– Как прошла ваша операция?

– Спасибо, нормально, уже лучше себя чувствую. Вот только... Помните Власенко из соседней группы? Гордячка такая надменная. Знаете, что она мне сказала? Мол, нужно было не шляться по морям, а детей рожать, тогда бы миом не было.

– Вот мерзавка! Да какое она имеет право так говорить! Разве это ее дело? Она вас совсем не знает, эта злобная ба-

ба, – возмущалась Саша.

– А Татьяна уволилась. Ну та, что драться с вами хотела. Я тогда прямо оторопела: при детях пытаться ударить по лицу воспитательницу! Как сейчас, вижу ее длинные худые руки с растопыренными пальцами.

Саша усмехнулась, вспоминая этот случай.

– «Ах ты, сногшибательная блядь», – орет. Слава богу, я стул схватила и прикрывалась... Этой Татьяне место в тюрьме. Ну и коллективчик там у вас! – Александра помнила свой тогдашний страх, ведь ревнивая тетка наскочила совершенно неожиданно. – Зато детки такие хорошие, я их до сих пор вспоминаю...

– Вот скажите на милость, – перебила няня, – отчего эта Татьяна вас в виноватые записала? Шел к ней мужичок, да не дошел. Увидел вас на участке и давай языком чесать. Но вы ведь на него никак!

Саша не ответила, задумавшись о своем. Ревность, мерзкое чувство... Юрий постоянно пропадал, и она примерно знала, куда он ходит, не считая репетиций. О подробностях можно было бы расспросить соседей, но гордость не позволяла. Саша не знала, изменял ли Виват ей физически. Возможность этого вызывала у нее лишь такое же физическое отвращение. Сама по себе ложь страшила ее. Честность в отношениях ценила эта молодая женщина больше всего. Поэтому обида за предательство, непонимание, как себя вести в сложившейся ситуации, и невозможность что-либо изме-

нить разъедали ее душу. Саша считала унижительным бегать за мужем, да еще напоказ это выставлять. Чувство собственного достоинства никогда бы не позволило ей затевать скандал с другой женщиной, тем более драться с ней. Да и зачем других винить? Он взрослый и женатый человек – значит, он и виноват. Каждый сам должен отвечать за свои поступки.

Однажды вечером Юра незаметно забрал все ключи и запер Сашу в их гостиной. Она долго барабанила по двери, надеясь, что в коридоре кто-нибудь услышит и поможет открыть замок снаружи. В голове метались панические мысли: «А вдруг случится пожар? Или мне станет плохо? Подлец! Сволочь! Ничтожество!» Саше казалось, что это дурной сон, с ней такого произойти не могло. «Я знаю, зачем он это сделал, – вдруг поняла она. – Побоялся, что прослежу, куда он ходит. Да я бы в жизни не пошла! Позориться!»

Открывая бутылку водки, она рыдала.

Как-то, еще работая в детском саду, она поделилась с воспитательницей из соседней группы, что муж все свободное время проводит на репетициях.

– Как же, на репетициях! – хмыкнула та в ответ. – Ты-то нагулялась, ведь на четыре года старше. Пусть теперь и он погуляет!

Пятидесятилетняя, хорошо одетая и ухоженная воспитательница не шутила. Прежде Саша относилась к ней с уважением, а теперь не знала, что и думать: «Как может такую пакость говорить взрослая женщина, которой я в дочери го-

жусь? С чего она взяла, что Юрка гуляет? И получается, если гуляет – то это нормально?! Она на его стороне! Гадость какая!»

Делая всезнающее лицо, воспитательница заметила:

– Знаешь, моему сыну почти тридцать, и не женат. Еще не нагулялся.

– Вы замужем, и я замужем, – глядя прямо в глаза собеседнице, сказала Саша, – но у меня другое понимание семьи...

Про себя она решила тогда, что с этой старой дурой будет общаться только по работе.

Саша пила рюмку за рюмкой, много курила, стряхивая в блюдце. Слезы лились сами собой, было очень себя жалко. Она вспомнила песню со старой маминой пластинки —гибкий голубой кружок с дырочкой посередине фирмы «Мелодия» – и некрасиво запела:

*«Я могла бы повернуть за поворот,
Я могла бы повернуть за поворот,
Я могла бы повернуть за поворот-от,
Я могла бы, только гордость не да-ет...»*

Нет, так жить она не хочет. В этот вечер она уже предчувствовала, что уйдет от этого «маленького плюгавенького Вивата». Когда-нибудь уйдет.

Бог уберег молодую беременную женщину от опасной заразы, но ей все-таки пришлось однажды побриться, а позже лечить менее опасную болезнь. Начались скандалы. Теперь

Саша называла мужа не иначе как грязной мразью. Знакомая медсестра Люда призналась, что именно она делала Юре уколы. Сама Люда не догадывалась, что жила с такой же грязной мразью. В подпитии ее муж Андрей, земляк Юрия, хвалился Саше, что под носом у жены изменяет ей с соседкой.

Саша больше не делила диван с мужем. Ее мучила бессонница, целыми ночами она думала о том, во что вляпалась. Вспоминала его немигающие черные глаза, когда он чуть не задушил ее после очередных взаимных оскорблений. Или другой случай, произошедший еще до рождения ребенка...

Юрий уже был в дверях, когда Саша с игривой улыбкой заявила, что впредь будет сидеть на его репетициях. Ведь ей все равно нечего делать по вечерам одной дома. Он развернулся и так же играючи начал подталкивать ее к кровати. Ничего не подозревая, она поддалась, и вот муж уже сидел на ней. Именно сидел у нее на животе, зажав коленями ее вытянутые вдоль туловища руки, так что она оказалась совершенно в незащитном положении. И тут, глядя сверху вниз, победоносно улыбаясь, он начал давать ей слабые пощечины, вкрадчиво приговаривая: «Зачем ты будешь сидеть? Зачем? Зачем? Следить решила за мной?» Когда Саша попыталась защищаться, она сообразила, что не может пошевелиться. То ли от шлепков, которые становились все ощутимее, то ли от унижения кровь прилила к Сашину лицу, и она заговорила настойчиво громко: «А ну встань с меня! Встань»

немедленно! Гад! Руки отдай, прекрати». Он легко спрыгнул с нее и напрямиком за дверь. «Я тебя убью!» крикнула ему вслед Саша.. Горькая водка не заглушала обиду, а лишь разжигала ненависть за глумительные пощечины, и ночью, когда Юрий вернулся домой, Александра набросилась на него с утюгом. А утром удивилась, откуда у мужа под глазом синяк. Настолько она была пьяна накануне, что не помнила, что действительно чуть не убила его.

«Неужели все это происходит со мной – раз за разом спрашивала она себя. – За что? Я ведь никогда ему не изменяла... Это, наверное, мне урок, расплата за то, что замуж вышла за первого встречного. Обрадовалась, что непьющий, а оказалось, недалекий, да еще и гулящий. Ребеночка моего жалко. Будет расти без отца...»

Саша всегда жалела одиноких или разведенных женщин, их вокруг было много. И с ней судьба сыграла злую шутку, но она все исправит. Пока не знает, как, но исправит. Потому что так жить она не будет. Надо только потерпеть... Пусть ребенок родится.

Саша провалилась в беспокойный сон ближе к утру. В этой же комнате на матрасе спал чужой и противный ей человек.

Отношения и без того рвались по швам, а рождение доче-

ри только все усугубило. Из-за нервной обстановки молоко у Саши пропало, когда Анечке было всего три месяца.

Каждый день, возвращаясь с работы, Юрий молча ел, принимал душ и, переодевшись, начинал крутиться перед зеркалом.

Держа на руках девятимесячную дочку, Саша с презрением наблюдала за его приготовлениями. «И как меня угораздило выйти замуж за эту обезьяну? Потому что песни романтические под гитару пел? Немногословность я за ум приняла. А ему просто сказать было нечего, потому что недалеко. Чужие аккорды, чужие куплеты... Мне замуж хотелось во что бы то ни стало, от одиночества, видимо, и одурела. Думала: двадцать пять, почти старуха. Да и комнату отдельную обещали... Сама во всем виновата», – вздохнула она и в который раз предприняла попытку пристыдить мужа.

– Хоть бы подошел к ребенку, сказал что-нибудь. Вон как Анята смотрит на тебя. Она ведь тебя, считай, не знает.

Он взглянул на дочку, улыбнулся ей.

– Аня, Анечка! Иди к папе...

Стоило ему сказать эти слова, как девочка потянулась к отцу, стала отталкиваться ножками от маминых коленок, выпрыгивать у нее из рук. Юрий взял ее, присадил себе на локоть и, умело придерживая за спинку, начал шептать что-то ласковое, нежно поцеловал в лобик. Анечка внимательно его разглядывала, улыбалась беззубым ртом и хватала за нос. На руках у отца ей явно нравилось.

Зная, что муж опять пропадет на весь вечер, Саша сказала:

– Сходи на молочную кухню, творожок кончился, бутылочек тоже не осталось.

– Самой надо было сбегать. Я, между прочим, с работы, а ты целыми днями ничего не делаешь.

Отговорка прозвучала фальшиво. Отправляться неизвестно куда у него силы имеются...

Сжав губы, Саша процедила:

– Мы утром в детскую поликлинику ходили на взвешивание. Думаешь, легко вверх-вниз по сопкам с коляской, а потом ее и ребенка на пятый этаж пешком?

– А чего пешком-то? – небрежно бросил муж.

– Так вьетнамцы опять лифт сломали.

С конца восьмидесятых в общежитии жили вьетнамцы – целый табор, в основном девушки-коротышки, все на одно лицо. Специально для них девятый этаж отремонтировали, ванны новым кафелем отделали, мебель приличную поставили. Они работали на фабрике, питались вскладчину одним рисом и также вскладчину купали мелкую и крупную бытовую технику и отправляли к себе на родину. Остальным обитателям общежития такое соседство не слишком нравилось. Мало того, что условия для граждан дружественного Вьетнама особые, мало того, что девушки скандалы и драки устраивают, деля своих парней, – так еще и лифт по их вине ломается то и дело. То стиральную машину туда впихнут,

то холодильник. Во время товарного дефицита вьетнамцам было нечего посылать на родину, но теперь они опять зашевелились. Вернувшись с дочкой из поликлиники, Саша наблюдала, как пять мелкорослых азиаток дружно заталкивают холодильник в лифт. Втиснули кое-как, но он не поехал, так и остался на первом этаже.

Юрий равнодушно пожал плечами. Он явно не собирался менять планы на вечер.

Саше хотелось плакать от обиды, но не позволяла гордость и злость.

Она очень изменилась за последние месяцы, похудела и осунулась. Аппетит отсутствовал, к тому же хроническое недосыпание и бесконечные заботы о доме и маленьком ребенке истощили ее организм. Муж ни в чем не помогал, не жалел жену и не интересовался ребенком. Саша чувствовала себя усталой и больной, и душа ее тоже была больна – больна от одиночества.

– Мы тебе не нужны. Уходи к одной из своих заразных помок и живи там! – со злостью сказала Александра, протягивая руки, чтобы взять дочку.

– Тебе надо, ты и уходи, – бросил Юрий и, не дав Аню жене, усадил ее в кроватку.

– Куда я пойду, с ребенком?

Он как будто не услышал.

– Хорошо, – нахмурилась Саша, – я вернусь домой. Только купи мне билет на самолет и заплати половину за все, что

здесь есть.

– У меня нет денег, – последовал ответ.

Сашу он не устраивал.

– Можно все продать и деньги поделить.

– Еще чего! – скривился Юрий. – Да я лучше мебель топором порублю, чем тебе отдам!

– Ничтожество, – процедила сквозь зубы Александра. – Забыл, на чьи деньги она куплена? Я всегда больше тебя зарабатывала!

Юрий Виват ушел, а она без сил рухнула на диван.

Все, конец иллюзиям. По-человечески разойтись не удастся. Значит, придется бежать тайком, бежать без оглядки, а там будь что будет. Как жаль, что отца больше нет...

8. Смерть и рождение

Владимиру Кузьмичу не было суждено увидеть внучку Аню. Он умер от обширного инфаркта за шесть месяцев до ее рождения, поднимаясь по лестнице к себе домой. Прошло уже больше года, но Саша помнила то горькое время, как будто это было вчера.

– Если бы работал лифт, может, избежал бы Володя смерти, – задумчиво сказала Елизавета, чиркнула спичкой и поставила чайник на газ.

– Не знаю, мам. Если бы он не пил... – Саша пальцами вытирала слезы под глазами. Натянутые отношения с мужем и беременность казались ей мелочью по сравнению с нелепой, ранней смертью отца.

– Никогда не прошу эту татарку с третьего из крайней квартиры. Он ведь стучал к ней, просил скорую вызвать. Так и умер там под дверью. Как собака, – с дрожью в голосе выговорила Лиза, теперь уже вдова. – Хороший он был, всем помогал, а ему никто не помог, когда он умирал. И юбилей никуда не годно прошел, потому что не хотел он отмечать свое пятидесятилетие. Как чувствовал, – она зарыдала, закрыв лицо руками.

– Мам, не плачь, пожалуйста. Мне и так плохо. Мамочка, ну прошу тебя! – Саша сама была готова завывать как белуга. – Нина-то что говорит?

– Молчит, – прогнусавила Лиза. Она шмыгала носом, всхлипывая, вытирала красные глаза носовым платком. Саша, комок нервов, затушила под краном сигарету.

– Как жить-то теперь?

– Вот уедешь, мы с Ниной вдвоем останемся.

– У вас бабушка еще есть, а я звонить буду, – она ощущала озноб в теле. Потом представила, как вернется на Дальний Восток в свое одиночество.

Чайник закипел. Саша налила маме и себе чай, зажала горячий стакан в ладошках, пытаясь согреть холодные руки.

– Ты-то как себя чувствуешь? Еще и куришь. Странно, что Юра тебя одну отпустил в твоем положении, – как будто прочла ее мысли Елизавета Васильевна.

– Они, грузчики, очень занятые люди! Да и зачем он здесь в такую минуту, – дочь вздохнула. – Жаль, что папа не знал про меня.

– Знал он, Саша, знал! Лида ему по телефону твой секрет выдала. Как он был рад, даже счастлив стать дедушкой.

Саша опять вздохнула, но теперь с долей облегчения, представив своего папу живым и улыбающимся.

Декабрь тысяча девятьсот девяностого выдался на Урале морозным. Дефицитный бензин для ритуального автобуса достали через знакомых. Ящик водки на поминки купили по талону, который можно было получить для особых случаев.

На похороны пришли сестра Лира с мужем, соседи, кол-

леги по работе, общие знакомые. Саша поглядывала на прилетевшего из Ленинграда брата отца, Виктора. Он и отец действительно были очень похожи. Казалось, папа не умер, а стоит вот тут рядом с Ниной. Шестнадцатилетняя сестра так громко рыдает, что ее пытаются вывести на улицу. Отец лежит в гробу как живой. Умело нанесенный грим превратил мертвое лицо в молодое и свежее, но Саша все равно не смогла его поцеловать, в последний раз прощаясь у гроба. Ей было жутко. Она никогда до этого не видела мертвецов.

После поминок, все родные отправились домой к Елизавете. Зашли в лифт. Нина нажала на пятый. Лифт начал подниматься и вдруг остановился. Погас свет.

– Это Володька! Он тут. Душа еще не улетела, – серьезно сказал Виктор.

– Да что ты говоришь! Нина, нащупай там внизу кнопку вызова, – испугалась бедная Елизавета.

– Что? Мне страшно, – раздался голос потрясенной Нины. Зажатая в углу Саша понимала умом, что лифт застрял из-за перегруза. «Очень похоже на отца с его вечными шуточками» – мелькнула мысль. В крошечной темноте ей почудилось легкое дуновение, которое будто погладило ее по щеке. Рядом Лира с мужем шепотом обсуждали, как скоро их смогут вытащить из железного капкана.

Вынули минут через тридцать. Послышались голоса, скрежет, в темноту скользнул тусклый свет. В щелке между дверями показалось мужское лицо в кроличьей шапке.

– Сейчас, ребята, мы вас освободим. Готово! Это третий. Вы на какой ехали? Придется вам пешком идти.

Поблагодарив ремонтников, они начали молча подниматься по лестнице.

«О, господи. Он тут где-то умер на холодном полу. Сердце разорвалось с такой силой, что густая кровь шла из глаз, ушей и носа. Наверное, ему было очень больно. Мама сказала, кулаки были так сильно сжаты, что не сразу смогли выпрямить пальцы. Какие же он страдания пережил в последние минуты жизни! А может, он не долго мучился? А может, это дурной сон? Да нет, я же видела, как гроб охватило огнем. Ненавижу смерть! Ненавижу! Что ему не хватало? Все из-за проклятой водки». Саша шла за сестрой вверх по лестнице. Ей хотелось выть.

Старший брат Виктор уже улетел в Ленинград. До Нового Года оставалось три дня.

– Как вы теперь будете одни?

– Как-нибудь прорвемся, – Нина улыбнулась, показав белые ровные зубы.

Саша вдруг поняла, что младшая сестренка уже взрослая и очень красивая девушка.

– Ты маме помогай и себя хорошо веди, – Саша не находила покоя. Она не хотела оставлять маму и сестру. Но и оставаться тоже не желала. Этот огромный холодный город был наполнен рвущей душу тоской.

Прошла пара месяцев. Печаль из-за смерти отца и чувство тревоги за родных, как хроническая болезнь, засели где-то глубоко внутри. Саша не верила в бога, но любовь к жизни, какая-то детская наивность и вера в то, что все непременно будет хорошо, прочно жили в ее душе.

Для нее было естественно радоваться мелочам: солнечному утру, грозе, удачно проведенному уроку или новой настольной лампе формы перламутрового колокольчика на витой металлической ножке в виде стебля. Она много работала. Наматывая километры, давала уроки английского тут и там, забывая, что беременна. Вспоминала, только когда спрашивали на каком она месяце, или вечером, принимая душ.

Гипс на время замедлил ее сумасшедший ритм жизни. Все случилось ранним весенним утром. Она, как всегда, бодро шагала на работу. Увидев слегка припорошенную снегом ледяную плешину, приостановилась, решая с какой стороны обойти препятствие, чтобы не поскользнуться. Шагнула вправо, поскользнулась и рухнула на снег. Слезы непроизвольно брызнули из глаз от острой, как игла, боли, пронзившей тело снизу вверх.

Прохожие проходили мимо. Не сразу, только когда чуть отпустило, Саша поднялась и, прихрамывая, сумела доехать до работы и провести первое занятие. По дороге в травмпункт, ковыляя и волоча тяжелую, как кирпич, ногу, Саша

уже была не в силах сдерживаться и плакала навзрыд, но никто не обращал на нее внимания.

Никуда не годная инфраструктура построенного на крутых холмах города с его полуразрушенными, нечищеными ступеньками приводила к высокому травматизму населения. Особенно в холодное время года. В травмпункте было полно народу.

– Сапог снять можешь? – не глядя на сидящую спросила взъерошенная врач.

– Не могу, – Саша поняла, что почему-то не может растегнуть молнию. Нога невыносимо ныла.

– Придется разрезать обувь.

– Нет, не надо! Пожалуйста! – Саша снова зарыдала, не выдержав напряжения. – Я беременная.

– Ну вот еще, – хмыкнула докторша и мельком глянула на пациентку. – Наталья Петровна, помоги этой беременной сапог растегнуть. Может, все же придется резать.

Пожилая санитарка, присев, колдовала над молнией. И та в итоге поддалась. Сашины глаза округлились от удивления.

– Ох! Как раздулась лодыжка. Удивительно, что молния раньше не разошлась! – Петровна встала с колен.

– Да-а! Сколько же ты так протопала? – врач заботливо осматривала похожую на толстую сосиску нижнюю часть ноги и заключила, обращаясь к санитарке. – На рентген отведи, тут, похоже, перелом.

Юрий приехал забирать жену. Вместо сострадания или

слов поддержки недовольно буркнул ерунду: «Вечно с тобой что-то происходит». Саша неумело переставляла костыли, Юрий шел впереди. В автобус ее посадил неизвестный мужчина, муж оказался где-то позади.

Через неделю зашла Раиса Федоровна. Принесла пачку приморской солянки из морской капусты с кальмаром. Сама заварила чай, нарезала хлеб квадратиками.

– Как же вас угораздило, Александра Владимировна? Надолго это? – она кивнула на загипсованную до колена ногу.

– Сказали, шесть недель, боковой перелом лодыжки. Как говорится, на ровном месте рухнула. Это все Инка с первого – ведьма злопамятная. Я из подъезда, она навстречу! Глянула на меня по-зверски. Через пять минут я ногу сломала. Сглазила меня, точно!

– Молодая, замужем, но очень злая еврейка. Так и не простила вам кусочек батона.

– Да надоела! Приходила каждый день за хлебом. Я раз отказала и все, понеслось. Сплетни, угрозы. Вы-то как? – Саша, полулежа, чуть поменяла положение, скрипя провисшей коечной сеткой.

– Обо мне не беспокойтесь. Тружусь, столы накрываю, кормлю малышню по расписанию, – доложила она. – Сильно болит?

– Болит култышка, особенно ночью. Уснуть не дает. Да вы кушайте, Раиса Федоровна.

– Я в саду наелась. Сегодня суп из морской капусты с яй-

цом давали. Вкусный! Юрий опять на репетиции? Ухаживает хоть за вами, помогает?

– Так себе. Я сама ползаю тут на одной ноге до холодильника, хлеб с маслом в основном ем. Кстати, суп с морской капустой – мой любимый, – она игриво облизнулась.

Раиса Федоровна покачала головой.

– Вы хоть по больничному получите в этом «ООО»? Как вы не побоялись из садика уйти? – риторически спросила няня.

– Волков бояться – в лес не ходить! – Саша засмеялась, откинув голову назад. – Больничный тю-тю, зато я уже на полгода вперед заработала. Прорвемся!

– Ну, как знаете. Я к вам могу заглядывать после работы. Вы не против? – нянечка как будто подмигивала узким взглядом.

– Хорошо, спасибо вам. А то я совсем одна.

Саша не знала, как убить время. Целыми днями она смотрела телевизор, неистово чесала под гипсом длинной вязальной спицей. Периодически, стуча костылем, прыгала по напоминающей клетушку комнате. Топталась в кухонном углу, умудряясь готовить обеды и ужины из того, что приносил муж. Через месяц она уже гуляла около дома.

Когда не работал лифт, с огромным животом и на костылях Саша нелепо балансировала на одной ноге вперед-назад, спускаясь или поднимаясь по ступенькам. Живот то тянул ее вниз, то пытался опрокинуть на спину. Соседи по-добро-

му смеялись над неуклюжей круглой фигурой. Молодая женщина заливисто хохотала вместе с ними, приподняв черную ножку костыля. «Я человек-гора» – шутила она.

Наступила долгожданная весна и гипс сняли. Нога еще болела, а Саша уже работала. К концу мая миниатюрная директор школы остановила ее у кабинета химии.

– Александра Владимировна! У вас случайно не двойня? – наполовину шутя, наполовину всерьез заметила она. – Я боюсь, вы тут у нас на ступеньках родите. Вернетесь на будущий год? Дети и родители вас так любят!

– Спасибо, Ольга Викторовна! Приятно слышать. Я бы с удовольствием, к тому же, вы очень хорошая, – ей действительно нравилась директриса. Она была какая-то своя.

– Вот и ладно. Не забудьте, вам еще отбор детей надо провести. Будем отсеивать. Все сейчас хотят знать английский, в один класс не поместятся.

Саша была против дискриминации. «Если родители хотят учить своих отпрысков иностранному языку и готовы платить за уроки, о каком отсеивании может идти речь?», – подумала она, но вслух ничего не сказала. А вскоре совсем забыла о школе и уроках английского.

В послеродовой палате не было свободной койки.
Счастливые гражданочки СССР подарили Родине новых

голопузых граждан. Хотя ниже пояса все болело, Саша, полусидя на кровати, по привычке накрасила глаза и подвела губы яркой помадой, не догадываясь, что через полгода после рождения ее маленького счастья произойдет историческое событие глобального значения – их страна исчезнет навсегда.

Молодой врач по-быстрому вёл осмотр мамаш.

– Не успела родить, а уже накрасилась, как на дискотеку. А ну раздвинь ноги, тряпку оттуда убери, – приказал он, когда очередь дошла до Саши. Глянул мельком, небрежно и с иронией громко произнес, – Ничего хорошего в родах нет, кроме одного – самого ребенка, согласна?

Сашу смутило замечание о косметике. «Наверное, глупо было краситься. Но какое его собачье дело! Я же не там, не между ног накрасила...» – подумала она. Глядя врачу в спину, вдруг разозлилась: «Идиот, а не доктор! Как же я, которая выносила и в болях родила? Младенец и мать – одно целое. Во мне, матери ребенка, ничего хорошего нет?»

«Где наши дети? Они же голодные!» – возмутились женщины, но тележка с уложенным аккуратными рядами драгоценным грузом вкатилась в палату только после обеда. Когда Саше вручили маленький живой сверток, она бережно приняла его, тихонько прижала к себе и, втягивая носом запах младенца, блаженствовала: «Какая сладкая! Часть меня! Только моя!» Ей вдруг стало жалко то, что было внутри пеленок. «Личико крохотное. Интересно, какого цвета глазки?»

Ни на кого не похожа. Свой собственный ребенок. Голосок, наверное, тоненький. Увидеть бы ее всю! Как жестоко тельце перетянута материей, вытянуто, обездвижено. Наверное, так надо, но я бы развязала эти тряпки. Пусть бы свободно болтала ножками».

Через пару дней двадцатисемилетняя и самая старшая в палате мама Саша заметила, что, оказывается, все восемь грудничков в этой тесной комнате на третьем этаже разные, и теперь она без труда узнавала своего ребенка. Саша училась кормить дитя грудью, смотрела в непонятного цвета темные глазки дочки и шептала ей ласковые, заветные слова.

Трудно сказать, насколько счастлива была Саша. Несомненно, она была рада, что страх родов позади, и ребенок здоровый. Но рядом не было никого, кто мог бы поговорить с ней по душам, похвалить и разделить эту радость. По просьбе жены Юрий сообщил тете Лиде о рождении Ани, но та так и не появилась. Юрины родители тоже не приехали поздравить ее, но обещали навестить, как только смогут. Сашина мама, наверное, была на седьмом небе, что наконец-то стала бабушкой, но лететь через всю Россию на Дальний Восток было не на что.

Муж приехал только раз после того, как Саша настояла на этом по телефону. Он стоял под окнами роддома и курил. Она торопливо открыла створку, радостно замахала и крикнула, что детей скоро принесут на кормление, и он сможет увидеть дочь. Юрий переминался с ноги на ногу и что-то от-

вечал.

– Говори громче, я не слышу, – Саша радостно улыбалась.

– Я говорю, что все равно не увижу отсюда. Когда вас выпишут? – он казался безразличным. Еще было видно, что ему не нравилось выкрикивать слова. – Все нормально?

– Да, – Саша поняла, к чему он клонит.

– Ладно, иди, – она помахала Юрию. Потом повернулась к соседкам и весело пояснила, – У мужа плохое зрение: не увидит ребенка отсюда. Да и на репетицию опаздывает. Он гитарист.

Так одно из самых важных, значимых, счастливых событий в жизни Александры Виват превратилось в незначительный и обыденный эпизод. Казалось, никому не было до нее дела.

В день выписки она чувствовала себя счастливой и бегала туда-сюда, собирая вещи. В коридоре лицом к окну одиноко стояла девушка лет двадцати. Её плечи вздрагивали от приглушенных рыданий. Саша остановилась. Защемило сердце: она умела чувствовать чужую боль. «Нужно подойти, спросить, может, что надо?» – подумала, но не решилась. Поинтересовалась у других, что произошло. Никто толком не знал, но похоже, несчастной просто некуда было идти с ребенком после выписки. Всю жизнь Александра будет вспоминать ту минуту, и каждый раз ей будет стыдно, что не подошла, не поддержала, словом, не пожалела. Ведь именно этого так часто не хватало ей самой. Равнодушие как круго-

вая порука.

Вскоре после выписки у нее поднялась температура под сорок. Оставив младенца с мужем, она поплелась в женскую консультацию. В регистратуре рассказала о недомогании и грудном ребенке дома. Из-под стекла вылез талон с номером кабинета. Промучившись около двух часов в очереди, из последних сил вскарабкалась на ненавистное холодное кресло. Быстро осмотрев пациентку, врач написала направление в больницу и велела без промедления лечь на лечение.

– И нечего было в очереди сидеть в таком состоянии, – закончила прием доктор.

«Кто же мне об этом сказал? Кругом безразличие. Никому я не нужна» – подумала Саша, но простонала другое.

– А как же ребенок?

– Оставишь с мужем. Будет смесью кормить. Они, мужики, кстати, отлично с этим делом справляются. А тебе немедленно надо начинать лечиться. Если не хочешь умереть.

Она буквально тащилась домой и думала, что, возможно, воспаление матки случилось из-за санитарки, плюхнувшей на Сашин только что опустошённый живот огромную резиновую грелку со льдом. Измученная долгими родами женщина почувствовала прохладу и тут же уснула. Сколько она спала неизвестно, но когда проснулась, то первым делом сбросила с себя тяжелый и теперь уже холодный резиновый груз. Может быть, ее переохладили, а может, так должно бы-

ло случиться.

Муж растерянно вращал глазами, когда Саша стала бросать какие-то вещи в сумку. Ее плохое самочувствие и жар притупили жалость к дочери и тревогу за нее. Она смутно помнила, как доехала на транспорте в другой конец города и бродила в поисках больницы.

В отделении опытные медсестры сразу стали колоть ей антибиотики и ставить капельницы. В палате несколько таких же как Саша больных провели с новенькой ликбез, что теперь ее ребенок вряд ли возьмет грудь, привыкнув к бутылке. Саша понимала безвыходность положения. Рассудила, что лучше выздороветь, и у ребенка будет мать. Лучше питаться смесью из бутылки, чем высасывать разбавленное антибиотиками материнское молоко.

Но уже через сутки свекр на своем газике дребезжал по ухабистой дороге в город. Светлана Семеновна влетела в палату и велела невестке собираться. «Договорилась с сельской больницей! По знакомству будут лечить, и дите при тебе» – объявила она. Дежурная врач была совсем не в восторге, что из специализированного стационара пациентку хотят везти куда-то к черту на кулички, но Саша доверилась свекрови.

Все получилось наоборот. Антибиотики не пошли на пользу пищеварению новорожденной девочки. Женщина тут же прекратила давать младенцу грудь, но было поздно. Ребенок кричал без остановки и терял в весе. Еще не опра-

вившаяся от собственного недуга мать, как раненая волчица, бросалась от стены к стене, крепко прижимая к себе угасающего младенца. Она решила, что, если ребенок умрет, она убьет и себя, потому что только ради этого теплого комочка Саше хотелось жить. Весь смысл и вся Вселенная тут, в ее руках. Зашла высокая молодая медсестра и озабоченно сказала:

– Ваш ребенок очень слаб. Вес критический. Мы могли бы попробовать поставить ей укол.

Саша насторожилась, сверкнув глазами на девушку в белом. Та нерешительно продолжила:

– Венки маленькие. Нужно колоть в голову.

Саша осторожно положила девочку на кровать, медленно повернулась к медсестре лицом и вдруг завопила, выкатив безумные глаза:

– Добить ее хотите! А ну пошла вон отсюда! И никогда не заходи сюда! Я вам всем укол в голову поставлю!

Напуганная медсестра выскочила за дверь, а Саша кричала ей вслед, не в силах остановиться. Сквозь рыдания она кляла врачей, что одобрили кормление ребёнка грудью, себя, что не послушала свой внутренний голос и делала то, чего не хотела, свекровь – за её глупость, а мужа – за черствость и безразличие.

В понедельник девочка пошла на поправку.

Саша любила ездить к свекрови в деревню. Особенно сейчас, когда магазинные полки опустели, а цены на все товары стремительно взлетели. Закупленные Сашей впрок ползунки по шестьдесят копеек сейчас стоили в восемь раз дороже, а сигареты исчезли совсем. Пустоты на площадях заняли лотки с вареными джинсами и самодельной обувью вполне сносного качества. А вот мясные продукты и курица просто испарились. Случались перебои даже с рыбой в этом, казалось бы, рыбном краю.

Светлана Семеновна была радушной хозяйкой, кормила гостей разными домашними вкусностями, шутила и смеялась. В то же время, за словом в карман она не лезла, имела свое мнение и была далеко не робкого десятка. Её муж, Николай Иванович, в основном молчал и был очень деревенским, но с нужной хитрецей. Саша до последнего хотела сохранить семью и предприняла попытку поговорить с Юриной мамой, рассчитывая на поддержку. Надежно устроив на руке трехмесячную Аню, Саша подыскивала нужные слова,

– Светлана Семеновна, спасибо, что встали к ней ночью, – Саша ласково склонила голову над игрушечным личиком ребенка. – Я даже не слышала ее плач. Очень устаю.

Мешая что-то ложкой у плиты, свекровь отвечала, не оборачиваясь.

– Привыкнешь и станет полегче, – она шумно переставля-

ла с конфорки на конфорку кастрюли, прихватывая их полотенцем.

– Конечно, – согласилась невестка, – но мне очень тяжело одной. Юры никогда нет дома. С работы на репетицию, мы почти не разговариваем. С ребенком нянчится, только если очень попрошу. Кажется, мы ему и не нужны совсем.

Свекровь все никак не могла оторваться от своих кастрюль.

– Мой Коля тоже в молодости устраивал. Было дело. А я так решила – семью надо сохранить. Жить ради детей. Ане жидкий кисель сварю. Пойдет через соску, – она так и не взглянула на Сашу, а может, не посмела взглянуть.

Разочарованная невестка расстроилась еще больше. Сын и мать были похожи – как-то все без души. Бедная одинокая Саша поняла по металлу в голосе, что больше с ней на эту тему говорить не хотят, но решила остаться честной до конца.

– Я, наверное, так не смогу. Просто хочу вас предупредить, если что.

Светлана Семеновна хранила молчание. Саша вышла из кухни, бережно положила дочку на диван подальше от края, и начала собираться домой в давно ненавистное городское общежитие.

Через полгода она дозвонилась до Елизаветы Васильевны.

– Мама, посылай ко мне Нину. Она поможет от него выехать.

– Да ты что, Саша! Ребёнок без отца останется.

– Если я не уйду, добром это не кончится.

Елизавета Васильевна, с одной стороны, очень хотела, чтобы первая в ее жизни внучка жила рядом. С другой стороны, Лиза была воспитана так, что, несмотря на собственный печальный опыт, считала, что лучше быть при даже плохоньком муже, чем одной. Еще Елизавета Васильевна опасалась, что она и две взрослые дочери в двухкомнатной квартире будут все время наступать друг другу на пятки. Начнутся скандалы, которые не могла переносить покладистая добросердечная женщина. Назанимав денег, с тяжелым сердцем, она купила Нине билет на самолет.

Нина летела на Дальний Восток в отличном настроении. Девушка жаждала приключений и веселья. Когда не стало отца, Нине было шестнадцать. Стаканчик вина частенько разбавлял горе и одиночество Елизаветы Васильевны. Сестра жила на Дальнем Востоке, бабушка старела. Неопытная и наивная, предоставленная сама себе Нина не знала куда деть бушующую в ней энергию. Никто не может оставаться долго сам по себе. Появились компании, алкоголь и уродливая свобода девяностых. Нина, как и многие малообеспеченные девушки ее возраста, мечтала о красивой одежде и будущем муже на дорогой иномарке.

Саша поражалась, как изменилась ее сестренка, и частенько узнавала в ней себя десять лет назад. Оживленный портовый город окончательно вскружил Нине голову. Она вызывающе глазела на взрослых мужчин, стала уезжать вечера-

ми на чьих-то машинах и возвращаться под утро. Вместо помощницы Нина оказалась обузой, не реагирующей на мольбы уговориться и начать помогать делать то, зачем она приехала. Девушка искренне удивилась, когда увидела, как Саша укладывает вещи в шкафах таким образом, чтобы в нужный момент было легко связать их в узлы.

– Ты правда, что ли, собралась этого бросать? – Нина не хотела называть Юрия по имени, потому что он с ней не разговаривал, да и домой приходил только ночевать. – Город такой красивый. Жалко уезжать.

– При чем тут город? – разозлилась старшая сестра. – Я не хочу сгнить тут. Мы уедем, вот увидишь. Я уже все придумала. И деньги на билеты найдем. Этому ничтожеству не удастся подмять меня под себя. Я не прощаю предательство! И у меня есть душа! Моя душа, которую этот урод хочет из меня вынуть. Он думает, мне некуда идти, и я покорюсь. Превращусь в униженную безропотную уборщицу и кухарку в этой несчастной комнатухе. Лучше умереть, чем жить под его гнетом.

Аня стояла в своей кроватке, держась за бортик левой ручкой. Она гремела погремушкой, зажатой в кулачке, и от этого светлый торчащий вверх хохолок волос на головке смешно трясся. Казалось, игрушкой она хотела заглушить громкий голос своей мамы. Нина оторопела, а Саша не могла остановиться,

– Ему не удастся меня растоптать! Никогда! Я знаю, лю-

ди ломаются от безысходности. Мне нельзя ломаться ради нее! – Саша ткнула указательным пальцем в сторону кровати и посмотрела на испуганное лицо малютки.

– Лучше жить одной, чем с кем попало, – и тут Сашины глаза налились слезами. – Мне надо умыться.

Александра еще долго рыдала, склонившись над открытым краном, а Нина, присев на колени у детской кровати что-то шептала маленькой, внимательно смотрящей на нее крошке.

Уже ночью, лежа на матрасе, Нина пыталась сообразить, о чем говорила Саша. «Ерунда какая-то. Тут так хорошо. Море вокруг. Я обязательно вернусь в этот Приморский город. Интересно, Артур завтра за мной заедет? Машина у него классная, иномарка, видно, денег полно. Может, подарит мне что-нибудь, чеченец. А этот Женька с первого! Он в моря ходит. У всей общаги на глазах мне сигналит, а жена в окно пялится! Нет, тут лучше, чем дома. Не пойму, чего Саша такая нервная и злая? Я вот тоже хочу замуж и ребенка, как у нее».

Кончалось лето 1992года...

9. Гороскопы

Саша любила гороскопы. Она доверяла им больше, чем собственному правительству. Покупала разные и читала с упоением, выискивая скрытые смыслы и завуалированные совпадения между написанным и собственной жизнью. Поэтому, как только в продажу поступили календари на 1998 год, Саша начала их покупать и изучать. Она сравнивала прогнозы, примеряя их на себя как платя. С замиранием сердца штудировала и ждала чудесного пророчества. Именно чуда, но звезды не сулили ничего конкретного.

И вот однажды, приехав к бабушке, она увидела у нее на столе простенький отрывной календарь. Быстро пролистала, нашла рыбий знак. Уже по дороге домой думала об одной фразе, врезавшейся в ее сознание: «С рыбами произойдет что-то из ряда вон выходящее, что заставит удивиться всех ее друзей и знакомых». Слова не давали покоя. Она смотрела из окна троллейбуса и думала: «Страна пьет, народ куролесит. Самой бы не спиться. Вполне может быть. Вон сколько знакомых сгорело от водки. Мрут люди, как мухи. Одноклассницу жестоко убили в собственной квартире. Я, наверное, просто коньки отброшу. Тогда точно все удивятся. Будут говорить, что умерла такая молодая. Нет, не может быть. Умирать нельзя. У меня же Аня. Да и вообще я слышала, что настоящие предсказатели если видят смерть, не выдают это-

го. Тут речь идет именно о чуде. О какой-то тайне. Главное, чтобы без подвоха».

Добравшись до домой, она первым делом позвонила бабушке и попросила календарь никуда не убирать. Потом прятала страничку с предсказанием, как столларовую купюру, в своем кошельке, берегла как зеницу ока, а текст знала наизусть.

Ее клиентка Вера, которая как-то незаметно стала Сашинной подругой, гороскопы читала, но верила только в себя.

– Спасибо, Сашенька, что ты мне никогда не отказываешь и за перевод по-божески берешь. Сама-то пыталась писать?

– Нет, не верю я в это дело. Бесполезно при соотношении сто женщин на одного иностранца. Не в нашу пользу арифметика! В прошлую субботу директриса пригласила к себе с десятков невест. Приехавший американец изъявил желание понаблюдать за женщинами со стороны. Когда за дверью собрались, я к ним вышла и соврала, что клиент задерживается, а пока его нет можно еще раз уточнить кое-какие вопросы. Седой «актер» в это время пристроился в кабинете на стульчике как ни в чем не бывало. Тетки, ничего не подозревая, заходили по одной, говорили с начальницей. Некоторые ему даже «здрассте» кивали. Конспиратор для отвода глаз равнодушно листал русский журналчик, а сам разглядывал женщин с ног до головы. Старье, а выбирает!

– То-то и оно, что это не просто старье, а американское старье! – Вера подняла вверх два пальца, в которых была за-

жата дымящаяся сигарета.

– На меня даже и такие старикашки-имитаторы не обращают внимания, – переводчица брачного агентства Саша Виват не притворялась и не ждала комплимента. Говорила, что думала.

– А нам таких шпионов и даром не надо, – гордо задрал подбородок, Вера не отставала. – Слушай, а в Австралию ты бы поехала?

– Там очень жарко, – не зная, что сказать, бросила Саша.

– Ну ты смешная! Лучше жарко, чем холодно, – Вера явно была разочарована настроением своей новой знакомой, которая переводила ее письма из-за границы.

Маленькая и стройная крашеная блондинка с голубыми глазами была лет на семь моложе Елизаветы Васильевны, которая считала Веру внешне милой, но не очень серьезной женщиной.

– Саша, у меня другого шанса нет. Мне просто некуда деваться. Жилья нет, работы нет, ни хрена нет. Только ты не смейся, но я уже знаешь сколько писем в Америку и Австралию написала? – Вера сделала предупредительную паузу. – Больше сотни!

– Ну ты даешь! – Саше, с одной стороны, было жалко Веру, фантазерку, но с другой стороны, ее твердый настрой удивлял.

– Слушай меня внимательно! Найти мужа – огромный труд. Даже больше тебе скажу. Это ра-бо-та! – по слогам про-

говорила Вера последнее слово. – Вот я и работаю. Все деньги трачу на переписку и английский перевод.

– Верю, – вставила Саша, а наблюдательная Вера понимала, что никак не может заинтересовать собеседницу, которая ей очень нравилась.

– Вот смотри, – Вера выставила обе руки вперед, – они у меня по ночам ноют и скоро по земле волочиться начнут. Оттянула сумками. Спасибо мальчишкам, помогают и, главное, верят в меня.

Вера и два ее сына, восемнадцати и двадцати лет, снимали комнату и жили на деньги от перепродажи посуды. Привозили поездом из другой области товар и целыми днями таскали тяжелые сумки со стеклом по городу, предлагая вазы, рюмки, салатницы и другие стекляшки под хрусталь на предприятиях, в школах и детских садах. Они еле сводили концы с концами, но Вера сумела убедить детей, что нужно не жалеть денег на переписку с иностранцами, и она непременно уедет за границу, а потом заберет и их.

– Ой, тяжело. Нас же три бабы и один ребенок в двухкомнатной квартире. Мама еще молодая, сестра тоже о личном счастье мечтает. Мне хочется найти нормального человека, чтобы жить с ним в отдельной квартире, все делать вместе, поддерживать друг друга. Денег вечно нет. Все приходится решать и делать самой. А если со мной что-то случится? Что будет с Аней? Кто ее воспитает, поставит на ноги? Я иногда просыпаюсь от этих мыслей, как от ночного кошмара. Плохо

живем, Вера! И улучшений не предвидится.

– Ну, Сашка! Я тебе правда удивляюсь. Я, старая, и то верю, что смогу. А тебе сам бог велел: молодая, красивая и английский знаешь. Одни зубы чего стоят. У тебя же голливудская улыбка! Начинай писать письма. Думаю, Австралия тебе подойдет, и я слышала, там мужчины очень даже ничего. В основном – фермеры. Ну а какая разница? – по-деловому рассуждала она. – Главное, чтобы муж обеспечивал.

Саша представила стадо черных коров, бредущих по бездорожью. Отгоняя назойливо жужжащих навозных мух, чернухи машут хвостами из стороны в сторону. Вокруг австралийские заросли. Экзотические птицы висят на лианах, крупные красно-синие попугаи с белыми щеками хаотично летают над стадом. Некоторые садятся на костлявые коровьи спины, чтобы ухватить изогнутым клювом зеленых с металлическим отливом навозниц. Истерически крича, пернатые взмывают вверх каждый раз, когда опирающийся на кривую палку пастух, в кепке и кирзовых сапогах, матерясь по-русски, щелкает кнутом.

– Проснись, переводчица! Обещай, что начнешь писать, – прервала причудливое видение Вера.

– Кому я нужна с маленьким ребенком?

– За это даже не волнуйся. Они за границей к чужим детям очень хорошо относятся. Это русские мужики не то что от чужих, от родных детей бегут, алименты не платят.

Саша не сомневалась, что Вера приукрасила про благо-

родных иностранцев, но с остальным была полностью согласна.

– Про наших мужичков лучше не начинать. Или пьют, или бьют, или гуляют, или три в одном. Про детей вообще молчу. Соседка с двумя детьми своего дурака вышвырнула. Сам бы, конечно, не ушел. Ей отец помог гуляку за дверь выставить. Муженек не работал, да еще связался с молоденькой коллегой жены. Правда, не пьющий, но на детей денег не выделяет. Говорит – нету! У другой муж бизнесмен, еще тот кобель. Открыто заявил, что влюбился в секретаршу и не может ее бросить. Марина вида не подает, а мне призналась, что не знает, как пережить такое предательство. Хотела самое плохое с собой сделать, но детей жалко. Мужу они не нужны. Алкаши так вообще почти в каждой семье.

– А у меня в соседнем доме один уголовник сожительницу до полусмерти бьет, когда пьяный. Она в больнице полежит и обратно под кулак возвращается. Идти-то больше некуда, и защиты от таких кухонных боксеров никакой. «Мы в семейные дела не вмешиваемся» – твердят в милиции. Позор! Семьи состоят из людей. Когда совершается насилие над человеком хоть в семье, хоть на улице – это преступление, которое должно наказываться по закону.

– Бьет, значит любит. Если русские придумали эту поговорку, то мне стыдно быть русской. Вот где изврат. Узаконенное физическое насилие, – негодовала Саша.

Обе женщины замолчали. Вера задумалась. Саша закури-

ла. Обе смотрели вдаль: с лоджии был отличный обзор.

Вера вглядывалась в похожие друг на друга многоэтажки и вспомнила Украину, свою квартиру и покойного мужа, который страшно пил и в итоге повесился. Ей было тяжело воспитывать мальчиков без отца. Они оба попали в дурную компанию, и, чтобы спасти детей, Вера пошла на отчаянный шаг и сбежала в Россию, уговорив сыновей поехать с ней. Но и тут ничего не складывалось: без прописки и денег устроиться на нормальную работу не представлялось возможным. «Мальчишки мне верят. Я должна добиться поставленной цели! Во что бы то ни стало» – повторяла про себя Вера.

С лоджии как на ладони была видна школа, в которую Саша скоро отведет Аню в первый класс. Больше всех ей было жалко свою девочку, за которую она отдала бы жизнь не раздумывая. Какое будущее она сможет обеспечить своему, как говорила мама, идеальному ребёнку?

Девочка росла умненькая, спокойная и очень послушная. Она любила и маму, и бабушку, и Нину. Саше было очень жаль маму, Елизавету Васильевну, заслужившую спокойную жизнь в собственной квартире. Вместо этого ей приходилось делить двухкомнатное жилище с двумя взрослыми дочерьми, у которых ничего не получалось в личной жизни.

Саша, конечно, жалела умершего отца, но все же была рада, что он больше не мучает маму и ее с сестрой своими запоями. Она злилась, что он не оставил после себя никаких сбе-

режений. Алкоголики не способны обеспечить достойное будущее своим детям.. В наследство своей семье Владимир Лучин оставил лишь крепко прижившиеся питейные традиции, навязанные ему русским укладом жизни, когда в гости без бутылки не ходят, по душам поговорить без водки не принято, где спиртное дороже денег, а чекушками расплачиваются за работу. Нина часто не ночевала, мечтая найти мужа. Саша тоже время от времени куролесила. Елизавета Васильевна лишь хваталась за голову, пропуская по маленькой. «Наш дом медленно, но верно разваливается. Все это на глазах у бедной Анечки. Мы все такие одинокие» – думала Саша, ненавидя себя за слабость. Неудачный брак разрушил ее надежду на счастье, и она старалась не думать о любви, считая себя неудачницей. В такие минуты на израненную женскую душу капали слезами ноты и слова про «кожаные ремни, стянувшие слабую грудь...»

Но жизнеутверждающее начало побеждало тоску. «Осень, в небе жгут корабли... Осень, что же будет завтра с нами...»

«Осень – подготовка к зимней паузе перед следующим весенним витком пробуждения. Аннушка родилась примерно в то же время, когда я впервые услышала эту песню. Как сказал мой женатик – это было ошибочное замужество, но оно подарило мне дочь» – рассуждала про себя Саша.

– Знаешь, Вера, ты права. Нужно быть полной дурой, чтобы работать в брачном агентстве, знать английский и не попытаться счастья. Сделаю фотографии и отправлю по всему

миру.

Как и обещала, Александра отослала около сорока писем в Америку и получила целых три ответа. Одно письмо ей более или менее понравилось. Многодетный отец из Монтаны, по крайней мере, задавал какие-то осмысленные вопросы. Например, он спрашивал, почему Саша поздно родила ребенка. Ведь в России девушки рожают рано. Что же мешало ей? Саша отвечала, что сначала училась, вышла замуж в двадцать пять, дальше все понятно. Потом он много рассказывал о погоде и больших снегах в его северном штате, за что Елизавета Васильевна прозвала друга по переписке синоптиком.

На фото новый знакомый улыбался из-под темных усов, прямо как у «Песняров». Цыганка, с которой недавно познакомилась Саша, положила фото усатого на ладонь, махнула в воздухе рукой, как черпачком, и доложила: «Будет у тебя. Но другой, не этот. Этот пустой, ты о нем и не думаешь. Тот, что твой, скоро приедет. Уже собирается».

– Ты осторожнее, Саша, с цыганами, – заикнулась соседка, явно под впечатлением от рассказа Елизаветы, что дочь в цыганский поселок зачастила. – Отнимут все. Загипнотируют и разденут до нитки.

– Дура я, что ли? Не вчера родилась. Я случайно попала к одной. Она меня буквально затащила в дом. Кольцо ведь единственное выманила для ворожбы, ведьма. Я к ней пришла во второй раз и говорю, что если она настоящая гадалка,

то видит, что у меня нет лишних денег. Ни счастья, ни денег. Вот так честно и сказала. Колдунья черными глазами меня просто высверлила, выплеснула воду из стакана под бормотания. Иди, говорит. А кольцо вернула.

10. Иностранец

Зазвонил телефон. «Это тебя» – Елизавета Васильевна передала трубку старшей дочери.

– Слушай, Александра, к нам едут три австралийца, – сообщила Светлана, сорокапятилетняя директор нового брачного агентства. В 90-е эти конторы росли, как грибы после дождя. – Представляешь, целых три! Дождись меня. Скоро подъеду.

Саша была на седьмом небе. Ей не хотелось нести последнее золото в ломбард, и она молила Бога, чтобы появилась какая-нибудь халтурка. Школы летом на каникулах, репетиторством не зарабатываешь. Стыдно сидеть на шее у мамы, и дочку жалко: напитать бы ее витаминами перед школой, а не на что. Все-таки в первый класс.

Спасибо Елизавете Васильевне – она возила с чужого участка овощи, ягоды и зелень. Дача принадлежала двум пенсионерам, родителям сослуживца ее покойного мужа. Геннадий, так звали сына пожилой пары, много пил и, как большинство отцовских друзей-инженеров, сторел от водки, когда ему было сорок восемь лет.

Лиза помогала на даче, за что к концу дня ее сумки нагружали свежим урожаем. От дачного участка до автобуса Елизавета волочила эту тяжесть, рассуждая о своих дочерях: «Саша такая жестокая, а у Нины совсем жизнь наперекосяк.

Думают только о себе, совсем меня не жалеют. Обе непутевые». Ей хотелось плакать, толи от тяжести, толи от обиды. Но она тут же находила аргументы в их защиту: «Нина просто пропадает, наивная чересчур. Саше трудно одной с ребенком, и без работы она сильно переживает». Пристроив котомки под чьим-то сидением, она простояла всю дорогу на ногах, так и не дождавшись свободного места. «Нужно будет сделать последний рывок от остановки до дома. На ужин кабачок в сухарях пожарю, половину ягод на варенье, остальные так съедим» – планировала она.

«Хоть бы Саша эту подработку получила!» – уловив, о чем шла речь по телефону, радовалась про себя Елизавета Васильевна. Отношения между мамой и старшей дочерью сейчас были натянутые. Но после звонка обе как-то смягчились, и разговор пошёл.

– Ты бы, Саша, поставила что-нибудь на стол, – Елизавета Васильевна заглянула в полупустой холодильник, соображая, что приготовить. Она любила угощать.

– Самим есть нечего. Ты нас всех кормишь, мама. Я работаю, тебе отдам.

– Ладно, – согласилась та.

– Свежим чаем напоим, и хватит с нее. Кузенька, ты что там делаешь? Иди к нам. Баба тебе ягодки привезла.

Так Александра обычно называла дочь, когда хотела приласкать. Откуда взялась эта Кузенька? Вырвалось однажды, вскоре после рождения ребенка. Наверное, мысли о недо-

жившем до этого дня отце, Владимире Кузьмиче, манифестировались в одном этом слове.

Светловолосая худенькая девочка появилась в дверях. Тихая и нежная, она по очереди посмотрела на маму, бабушку и тарелку с клубникой на столе.

– Как вкусно пахнет! – у девочки был ангельский голосок. Послушно сев за стол, не торопясь, она начала кушать посыпанные сахаром большие ягоды. Саша наблюдала за дочкой и думала, правильно ли она поступила шесть лет назад, убежав от мужа.

– Вкусно, Анечка? – Елизавета Васильевна любовалась внучкой.

– Да, – не переставая жевать ответила Аня, – А Киндер-сюрприз? Мама обещала купить.

– Ко мне сейчас придут, Анютка, а вы в это время ходите с бабушкой в магазин, – Саша вопросительно взглянула на свою маму, затем наклонилась и поцеловала Аню в белую щечку.

– Конечно. И еще куда-то ходим, – Елизавета Васильевна хитро глянула на встрепенувшуюся девочку, в которой души не чаяла.

– В парковую зону! Как вчера, на качели! – догадалась Аня.

В дверь позвонили. Саша впустила высокую холеную блондинку, подстриженную под каре. Чуть выдающаяся вперед нижняя челюсть говорила о твёрдом характере. Поздоровавшись со всеми и отказавшись от чая, она сама шагнула в комнату, присела на диван и перешла к делу,

– В общем так. Два приятеля шахтера прилетят через неделю. Третий будет чуть раньше. Он, похоже, еще и турист. Я так поняла: этот третий переписывался с кем-то из нашего города. Невеста из чужого каталога. Значит... – Светлана подняла указательный палец, сверкнув красной эмалью острого ногтя и подмигнула, – мы будем долго ее искать и не найдем.

Саша быстро окинула взглядом большую комнату, служившую ей также спальней и кабинетом.

– Сами пристроим скалолаза, – решительно продолжала Светлана.

– Какого скалолаза? – не поняла связи Саша.

– Этот третий австралиец-одиночка хочет Уральские горы посмотреть, – как ни в чем не бывало бросила начальница.

– А я тут причем? Я в горы не пойду. Я вообще без каблучков не хожу, – Саша выдала правду шутливым тоном. Не оценив юмора, деловая собеседница подбрасывала идеи.

– Ты его, Александра, в уральский геологический музей своди. Составь культурную программу, протащи клиента по театрам, познакомь с местным колоритом, а я невест готовить буду.

– О чем разговор, конечно! На границу Европы с Азией тоже свозить можно, не переступая границ приличия, – зачем-то сказала Саша. Она была твердо убеждена, что ей ничего «неприличного» не светит, и дилемму о границах благопристойного поведения ей решать не придется. Кому нужна тридцатитрехлетняя женщина с ребенком без жилья и денег? Ведь в любой газете того времени в разделе «Работа» черным по белому указывались возрастные ограничения только до двадцати девяти лет. Если старше – значит никуда не годится, старуха! Да и в обществе женщин после тридцати считали отцветшими цветами.

– Вот факс пришел, – Светлана достала из сумочки несколько бумаг. – Ни фига не разберешь. Только очертания какие-то. Заодно письмецо мне переведи, Сашок. Услуга за услугу, окей?

Письмо оказалось коротким и скучным. Американский морпех описывал свой новый дом и пальмы, которые он сам посадил вдоль задней ограды. К письму прилагалось маленькое фото мужчины со странными пропорциями. Длинное, как будто недоразвитое туловище на коротких ногах стояло между двумя тощими пальмами. Лицо было трудно рассмотреть. Еще раз взглянув на фотографию, Светлана сунула ее обратно в сумочку. «Не зажгло» – поставила она точку поникшим на секунду голосом и протянула Саше большой листок.

Факсимиле из далекой Австралии был действительно

ужасного качества. Саша всматривалась в размытый силуэт. Ей показалось, что она уже где-то это видела. На грязно-сером фоне различалась широкоплечая полноватая фигура в черном, почти до пят, плаще. Фигура стояла прямо, даже надменно. На ногах массивные, скорее всего, сапоги, в руке ружье рукояткой в землю, лицо круглое, на голове темная широкополая шляпа.

– Ужас, – ахнула Саша. – Вы уверены, что он из Австралии? Похож на зловещего убийцу из ковбойского вестерна.

– Будем надеяться, что он нормальный. Если бы ты переводила для июльского жениха! Тоже, кстати, был австралиец с немецкой фамилией, – Светлана закатила голубые глаза. – Оказался надменным грубияном и, представляешь, предложил помолвку сразу двоим. Там такое было! В конце никто его не захотел.

Она энергично встала и направилась к двери. Саша пошла следом.

– Как у вас вообще дела? – она считала правилом хорошего тона показать интерес к личности собеседника, даже не понимая, что копировала манеру поведения мамы, любившей людей и обладающей великим даром сострадания.

– Не спрашивай, – отмахнулась та. – Сын, двадцатилетний обалдуй, отцом стал, а ей только семнадцать. Представляешь! Я сразу сказала – на меня не рассчитывайте. Я вас кормить не собираюсь. Ему, видите ли, эта Ира, мама младенца, уже и не нравится. А как же ребенок? Не знаю, что бу-

дет. Сынок поварские курсы окончил с горем пополам. Пусть вон вместе для австралийца обеда готовят. Я, конечно, им заплачу.

– Ну и правильно, – поддакнула Саша. Она давно поняла, что в таких случаях лучше держать нейтральную позицию. Тогда легче завершить разговор. Про себя ей было жалко ослепленную любовью к «обалдую» бедную девочку, которая не побежала на аборт, а родила ребенка. Дай Бог ей сил вырастить дитя потому, что таких, как она, осуждают, называя одиночками или еще хуже – одноночками. Если родители не помогут, больше никому они не нужны. Таких девочек великое множество в Великой стране. Саша была убеждена, что девчонки, как эта семнадцатилетняя Ира, – личности и настоящие любящие молодые мамы.

Сильных мира сего Саша считала избалованными и слабыми, не желающими брать ответственность ни за что. Все беды от них.

– По оплате договоримся. Приходи в пятницу, часикам к десяти. Кристиан выпится, позавтракает и рванете с ним в горы. Пардон, в город! – Светлана выпорхнула из двери, довольная собой и своей шуткой. Яркая, спортивная, недавно брошенная мужем ради молодой студентки.

Кристиан Дэйва спускался по трапу и предвкушал, что вот

тут на Урале, в сердце загадочной России, он наконец встретится с девушкой своей мечты – с кроткого нрава длинноволосой красавицей, коими славится русская земля. Именно так сказала ему австралийская сваха.

«А вот и русская сводня, с ней еще кто-то» – подумал Дэйва, и вдруг его охватил ужас. Та вторая расплылась в улыбке. Половина зубов во рту отсутствовала, а те, что остались, походили на черные пеньки.

«Неужели так здесь выглядят женщины? Куда я попал! Надо срочно менять билет!» – мысли метались в его голове.

Зато приезжому пришлась по душе трехкомнатная квартира на восьмом этаже, принадлежавшая Светлане. Она оказалась радушной хозяйкой, как, впрочем, и большинство русских, с которыми австралийцу позже довелось познакомиться. Кристиан с нетерпением ждал прихода переводчицы. Одних суток оказалось достаточно, чтобы почувствовать себя беззащитным без знания русского. В целом, Дэйва испытывал душевный подъем: ему нравились путешествия, новые места.

«Хоть бы переводчица была симпатичная, не как та с гнилым ртом в аэропорту» – неприятный образ никак не шел из головы.

Утром Сашу била нервная дрожь. Больше всего она боялась подкачать профессионально. Ей говорили, что австралийский английский труднопонимаемый. Бодро шагая на остановку, она услышала, что кто-то сигналил за спиной и обернулась. Когда автомобиль поравнялся с женщиной, стекло темной иномарки автоматически опустилось. Приятный мужчина с усиками добродушно ей улыбался.

– Привет, Саш! Ты куда вся такая при параде?

– Здравствуй, Юра. А ты куда пропал? Иду для иностранца переводить. Подбросишь? Тут недалеко.

Это был ее любовник. Они познакомились давно при похожих обстоятельствах. Она ловила машину, он проезжал мимо. Ей тогда было двадцать, ему тридцать. Она училась на заочном и работала. Он сидел в одном из важных кабинетов; обыкновенной внешности, чуть выше нее, образованный и культурный. Сексуальная блондинка с сумасшедшинкой в глазах сразила его наповал и сразу завоевала сердце секретаря горкома комсомола. Оба с хорошим чувством юмора, они обожали проводить время вместе где-нибудь в ресторане, на природе, или просто катались на машине. Их отношения были равными. Время от времени они обменивались подарками – женатик помогал ей деньгами, получая взамен горячую любовь.

По дороге бывший комсомольский вожак, который сейчас занимался строительством, объяснял, что много работает плюс дом, жена, дети. Александра выслушала, скрывая

равнодушие. «Ничего нового» – подумала она и запела:

*Гудбай, мой мальчик, гудбай, мой миленький!
Твоя девчонка уезжает навсегда-а,
И на тропинке, и на тропиночке
Не встречаемся мы большие никогда.*

– Красиво как! Ты смотри там, моя англичаночка, – подмигнул он, следя за её реакцией.

– Да брось, Ключин, это работа. Мне деньги нужны. Обещали нормально заплатить.

– Ой, боюсь, заберёт он тебя. Хочешь, вечером отвезу обратно домой? Когда подъехать?

– Нет, спасибо, Юр. Первый день. Не представляю, когда освобожусь. Вот тут притормози. Я тебе позвоню.

«Дурак! – думала она. – Кому я нужна? Тебе точно не нужна».

Поднялась в лифте на восьмой этаж, подошла к квартире, глубоко вдохнула, выдохнула и нажала на квадратную кнопку звонка. Долго не подходили. Потом щелкнуло изнутри, и дверь открыл мужчина. Рост примерно метр восемьдесят, круглолицый, загорелый, аккуратный нос, высокий лоб, тёмно-русые и очень коротко подстриженные волосы. Она не рассмотрела цвет его глаз.

– Доброе утро! Меня зовут Саша. Я буду вашей переводчицей в течение десяти дней, – по-солдатски отчеканила вошедшая, стараясь выглядеть уверенной.

– Привет, я Кристиан Дэйва. Вы сказали Саша? – мягко, с иностранным акцентом повторил он ее имя, и снова так же мягко на английском, – Приятно познакомиться. Пожалуйста, проходите.

«Ему идет это имя» – отметила про себя Александра.

В трехкомнатной квартире недавно сделали евроремонт. Кристиан и Саша расположились в большой комнате, откуда из проделанного в стене в виде арки проема выглядывали новенькие подвесные кухонные шкафы под мрамор. Они интересно сочетались с лавандовыми стенами и светло-серыми широкими креслами, в которых удобно устроились иностранец и переводчица. В воздухе витал терпкий аромат кофе.

Обсудили расписание дня и план действий. В целом Саша понимала его речь, не заостряя внимание на том, что не могла перевести. Иногда просила перефразировать незнакомые ей выражения. Если и это не помогало, заявляла: «Отлично! Теперь понятно», а после быстро переводила беседу в другое русло.

Кристиан, как оказалось, совсем не был похож на голову-реза из факса. Он был чисто выбрит и одет в светлые джинсы и голубую рубашку. Сверху – тяжелый серый пиджак. Ничего лишнего. Самое приятное, что Кристиан поддерживал беседу, разговаривал вежливо и без притворства.

Саша спросила, что бы он хотел увидеть в ее родном городе. И тут иностранец заговорил про эти проклятые Уральские горы. «Чертово колесо бы тебе» – промелькнула мысль.

Так называлось гигантское колесо обозрения в городском парке, который не избежал участи многих красивых мест в 90-е годы: парк был закрыт и запущен.

Первый день они провели в поисках российской валюты. Оббежали несколько банков, и наконец, в захудалом обменнике, расположенном в подвале старого здания, купили около пяти тысяч рублей за пятьсот зеленых. Посетили пару музеев – краеведческий и геологический. Центральная набережная и архитектура города произвели на него особенно приятное впечатление. После зашли перекусить в кафе. Поначалу Саша отказалась заказывать себе что-либо под предлогом, что не голодна. На самом же деле у нее просто не было таких денег. Он пошутил, что в кафе не обойтись без переводчицы, и поэтому желает разделить с ней трапезу и заплатить за обоих. Она не привыкла казаться жалкой, поэтому по дороге домой отрицательно покачала головой на предложение Кристиана купить билеты, и сама заплатила за двоих.

Домой приплелась под вечер, как говорится, без ног. Сбросила десятисантиметровые каблук и, не снимая тесных джинсов, упала на диван. Красота требует жертв!

Тут же прискакала соседка Люба.

– Давай, вставай, мать! Рассказывай! Хорош валяться на диване. Лиза, пошли на лоджию, покурим, – Она всегда называла Сашину маму на «ты».

– Да она, Любаша, устала, – Лизе тоже не терпелось услышать историю про австралийца, но она не решалась давить

на дочь.

– Иду, иду! – переводчица нехотя поднялась и вышла на лоджию. Все трое закурили. Елизавета Васильевна больше за компанию: до смерти мужа она ни разу не пробовала курить. Покойный Владимир Кузьмич презирал эту привычку.

– Ну-у? – Люба нетерпеливо взглянула на соседку, медленно выпуская клуб дыма изо рта.

– Ой, девки, где мы только не были сегодня! Ноги гудят! Слышите? – шутки помогали Саше расслабиться.

– Дальше! – подгоняла Люба.

– Его зовут Кристиан Дэйва, тридцать пять лет, – доложила Саша, массируя лодыжку.

– Звучит как мелодия! Молодой! – мамина одобрительная интонация не ускользнула от дочери.

– И длинноногий, к тому же. Глаза какие-то необычные, переливаются как радуга.

– Жёлто-красные, что ли? Ты что принимаешь, подруга? – Люба заржала, а Саша только махнула на неё рукой и продолжила:

– Животик такой округлый проглядывает, – она опустила вниз руку и очертила полукруг ниже пояса.

– Больше ничего ниже не проглядывает? – Люба скопировала движение, но в области паха. Тут все трое засмеялись.

– Ну, Любаша, ты даешь! – Елизавета Васильевна встала с края скамейки, на которой в ящиках уже начали засыхать

помидорные кусты.

Этой весной мама с Ниной высадили на лоджии помидорную рассаду. Просто так. Потому что кто-то отдал. Кусты вымахали с человеческий рост, зацвели в нужное время и произвели невиданный урожай сочных мясистых томатов. Не перестававшие удивляться, домочадцы вели аккуратный подсчет и к началу августа насчитали аж пятьдесят два плода.

– Да нечего рассказывать, – затянулась Саша. – Завтра невесты пойдут конвейером. Интересно, кого он выберет. Моей персоной клиент явно не заинтересовался.

– А тебе-то он понравился? – спросила мама, собирая в руку скрученные сухие помидорные листья.

– Он не в моем вкусе. Но вообще-то понравился. Спокойный, слушает. Сказал, что у меня очень хороший английский. Я для него переводчица – ни больше, ни меньше.

– А кто он в Австралии? – Люба засовывала пачку «Бонда» в нагрудный карман мужской рубашки.

– Вот это вопрос! Тут я его не совсем поняла. Вроде, что-то про плантацию говорил. Он из дома сначала в Азию улетел, сейчас к нам на Урал. Через десять дней собирается в Москву и Ленинград. Объяснял что-то про сто восемьдесят стран. Ничего не поняла.

– Санкт-Петербург уже давно, – мама потеряла двумя пальцами лоб под чёлкой, как бы раздумывая. – Странно, невесты в этот план совсем не вписываются.

Невесты появились на другой день. Пришли все семь, которых посоветовала Светлана. Первые две пробыли дольше, чем предполагалось. Произошло наслоение: женщины разных возрастов и комплекций молча стояли под дверью в ожидании своей очереди. Для ускорения процесса Саша посоветовала своему подопечному больше не встречать девушек в прихожей, а ждать в комнате. Внешне невозмутимый в меру упитанный австралиец, как царь, сидел, откинувшись назад в мягком кресле. Его руки покоились на подлокотниках. Все как одна, кандидатки заметно волновались, скромно присаживаясь на краешек кресла напротив. «Тут судьба решается, не до удобства!» Здоровались, знакомились, неловко улыбались. Как под копирку – похожие вопросы и ответы о семье, работе, планах на будущее. И улыбки, кивание головой, снова улыбки. Саша, сидевшая на стуле рядом с Кристианом, переводила с русского на английский и обратно. Иногда принимая участие в обсуждениях, переводчица подбадривала обе стороны, предлагала разные темы для разговора. Уже на выходе, в прихожей, одни угодливо благодарили и спрашивали:

– Ну как, нормально я говорила? У вас точно есть мой номер, если Кристиан захочет меня снова увидеть? – Саша, в свою очередь, уверяла, что все прошло отлично, и она

тут же позвонит, если что.

Другие были не довольны, что пришлось ждать, или скептически настроены, не веря, что агентство сыграет по-честному, не позволив какой-нибудь богатой невесте «перехватить» жениха за определенную плату, или сетуя что такое короткое интервью не может быть продуктивным.

На следующий день знакомства завершили к полудню. Как и вчера, в квартире стоял тяжелый запах смеси множества разных дамских духов. Дэйва снова предложил Саше чашечку кофе.

– Да, пожалуйста, – Саша не стала больше ломаться и выглядеть глупо. Он и вчера хотел угостить, но она наотрез отказалась, сославшись на то, что она все-таки на работе. Гордая переводчица ждала, что Кристиан начнет уговаривать, но услышала равнодушное «Окей». Она поняла, что у них не упрашивают – нет так нет.

Сейчас они вместе хлопотали на кухне. Он вдруг спросил:

– Извините, Саша. Ваша начальница Светлана хотела попробовать отыскать одну девушку. Вы что-нибудь слышали об этом? – Кристиан не мог произнести ее имя, не вставив лишнюю «т».

– Да, конечно, – как будто что-то вспомнив пролепетала Саша, – Светлана сказала, что звонила вашей девушке не раз, но на звонки никто не отвечает.

Он не заметил, как покраснели Сашины щеки: она ненавидела ложь, но вынужденно повторяла чужую неправду.

– Понятно, жаль, – он поставил на журнальный столик две чашки с ароматным горячим напитком. – Светлана – замечательная леди. Она очень гостеприимная.

Русская еда мне тоже по душе, особенно блины, – он произнес слово «блины» по-русски, смягчив «ы» на конце.

– Отлично, я передам ей ваш отзыв. А как наши девушки? Кто-нибудь понравился?

– Да, последняя из вчерашних с короткими темными волосами. Высокая.

– Понятно. Я могу организовать еще одну встречу с ней. Хотите? Мне, конечно, придется присутствовать, если вы не против. Она, как и все остальные, не говорит по-английски.

– Да, пожалуйста.

– А Светлана показывала вам каталог? – Саша принесла из другой комнаты толстый альбом.

В конце девяностых компьютеры были только у считанных единиц и использовались исключительно для переписки между директором агентства и офисом за границей. Женщины писали письма от руки, Саша в офисе переписывала их на английском и получала за это гонорар. Потом пачки посланий для женихов отправляли одним увесистым конвертом. Ответы, большей частью, приходили на электронную почту директора русского агентства. Саша догадывалась, что, так как вся переписка находилась под контролем начальницы, та могла легко манипулировать женихами

и предлагать их тем дамам, которые могли хорошо заплатить за услугу.

– Нет, не видел, – он начал перелистывать каталог. С каждой страницы на него глядели разодетые красавицы, застывшие в нелепых, неестественных позах. Сидящих, стоящих, лежащих красоток объединяло одно – томный взгляд, нескрываемый призыв в глазах, желание понравиться. Саша отставила свою чашку, под села рядом.

– Постой, Кристиан. Листай назад. Еще раз. Да, вот эта. Как она тебе? – Саша внимательно следила за выражением лица австралийца, пока он разглядывал смеющуюся носатую девушку с короткими каштановыми волосами. Он медлил, как будто в нерешительности.

– So-so⁶.

– It's me⁷, – засмеялась Саша.

– No kidding?⁸ – теперь он удивленно смотрел то на фотографию, то на ее хозяйку, как будто хотел удостовериться, не шутит ли блондинка переводчица. Чтобы выйти из неловкого положения, Саша поспешила сменить тему,

– Ну что ж, Кристиан. Я, пожалуй, пойду. Позвоню сегодня Ирине, той, высокой, что вам понравилась. Но предупреждаю, вполне может быть, что интерес не обоюдный. Ей, по-моему, всего двадцать два года. Скоро Светлана придет

⁶ Так себе.

⁷ Это я,

⁸ Без шуток?

и повезет вас в гости к своей подруге. Вы помните? Может, там вы еще с кем-то познакомитесь.

Вечером, когда Аня уже спала, Саша и мама чаевничали в их любимом месте – на кухне.

– А я кофе сегодня пила, – Саша посмотрела на свой гра-
ненный стакан и отпила сладкого свежезаваренного чая. Она
всегда пила чай из стакана, «потому что вкуснее, когда цвет
видно». Она привыкла, когда ездила поездом на сессии.

– Я бы от кофейка не отказалась. Давно не покупали. До-
роговато, – мама ловко подбирала кухонной тряпкой крош-
ки вокруг конфорок.

– Я чуть не упала сегодня утром – подхожу к лотку, а ко-
фе подорожал вдвое со вчерашнего дня. Теперь точно не ку-
пить. Работаешь, работаешь, а толку... Только, вроде, полег-
че стало. На тебе опять! Еще эта Ира отказалась встретить-
ся с иностранцем. Я, говорит, институт оканчиваю, не хочу
в какой-то деревне жить. Ну и дура! С деньгами где угодно
жить можно. Я, мама, как только гонорар получу, куплю рас-
творимый кофе.

– Спасибо, Саша. Да Кристиан, наверное, ей просто
не пришелся по сердцу.

– Я ему точно не приглянулась, оценил меня на троечку, –
Саша сделала кислую физиономию и хрустнула наивкусней-

шим маминым рогаликом.

– Откуда ты знаешь?

– Сам сказал, – и Саша поведала маме все, что случилось за два дня.

Стемнело. Молодая женщина шмыгнула в постель и осторожно подтянула на себя часть одеяла. Мама и дочка спали вместе. Тихонько поцеловав спящего ребенка в лоб, Саша вдохнула ее сладкий детский запах и предалась несбыточным мечтаниям: «Квартиру бы побольше. Когда-то придется покупать для Ани отдельную кровать, а ее и поставить некуда. Были бы деньги, купила бы однокомнатную нашей соседки Антонины. Какая же она все-таки добрая и хорошая, Антонина Ивановна. Душевная бабулька, всегда вежливая и большая чистюля. Старик, ее покойный муж, мне тоже нравился. Пока не наорал на нее при мне: „Ну, что? Ключ воткнуть не можешь? Сколько тут торчать будем! У тебя руки-крюки“. А она ничего ему не ответила».

Повернувшись на другой бок, мечтательно настроенная Саша продолжила планировать свое будущее: «Если купить однокомнатную квартиру Антонины, то весь угол пятого этажа был бы наш. И окна на обе стороны: на восток, на запад, а еще две ванны и две лоджии. Вполне можно перегородить половину лестничной клетки, мы все равно последние в этом отсеке. Коридор переделать в большую прихожую, установить белые встроенные шкафы по стенам. Что бы было как будто светлее, ведь там окон нет. Три изолиро-

ванные комнаты, две кухни. Нина могла бы найти нормального мужика и жить с ним в одной комнате, мама в другой, а мы с Аней в третьей, самой большой. Маму бы наконец-то оставили в покое. Я все злюсь, ругаюсь. А она ведь никогда не кричит. Мне ее жалко, я же так ее люблю. Жили бы вместе, не посягая на личное пространство друг друга». Она уснула, довольная сочиненным проектом.

11. Головокружительная неделя

Щедрая девица Осень явилась прежде срока. Разодетая в восхитительные оранжевые одежды, она прозрачными лучистыми пальцами тихо рассыпала по земле великолепный янтарь своих бус, позолотила листву городских аллей.

Тут-тук-тук – стучала каблучками по тротуару хорошенькая коротковолосая блондинка в терракотовой кожаной куртке и синей джинсовой юбке по колено. Осенние чувственные и глубокие тона шли молодой женщине. Рядом энергично шагал высокий длинноногий мужчина в узких светлых джинсах и куртке цвета хаки. Из крови и плоти, они оба искали свою судьбу.

– Можно я буду держаться за тебя? Ты не против, Кристиан? – Саша ненавидела свои модные туфли, но купить обувь поустойчивее сейчас было не на что.

Не дожидаясь согласия, она перекинула сумочку на другое плечо и взяла его под руку. Он явно был не готов к такому повороту. Не останавливаясь, неловко вынул руку из кармана.

– Извини, я вижу тебе не нравится, – смутилась переводчица.

– Нет-нет, – вдруг передумал он, – пожалуйста, – и согнул руку в локте, как бы подтверждая свои слова.

В сущности, ей было все равно, какое впечатление эта

незапланированная выходка произвела на иностранца. Опираясь на мужскую руку, Саша почувствовала заметное облегчение в ногах, ее походка снова казалась легкой. Но это был физический контакт, и оба почувствовали, что между ними что-то изменилось.

В автобусе пришлось стоять настолько близко друг к другу, что она слышала его дыхание. Кристиан разглядывал спутницу с высоты своего роста и удивлялся: «Красивая и непреступная – и вдруг сама взяла под руку. С ней приятно идти рядом. Не такая уж и сердитая эта Саша».

На центральной площади встретились с Таней. Несмотря на то, что женщины только недавно познакомились при весьма удивительных обстоятельствах, они сразу подружились. Татьяна с удовольствием согласилась взять на себя роль гида в этот день.

Добрались до границы Европы и Азии, сделали фотографии вдвоем, стоя по обе стороны символической черты, разделяющей две части света. Проезжая по ухабистой дороге, Дэйва внимательно разглядывал резные наличники и облупившиеся ставни покосившихся деревянных домов.

– Мне нравится эта работа по дереву. Видна рука настоящего мастера! – он поднял вверх большой палец.

– Да, Кристиан. Ты не первый иностранец, которому нравятся русские деревянные избышки, – хихикнула Таня.

– Смешно! А он ничего. Я заметила, он за тобой внимательно наблюдает, когда ты не видишь, – сказала она по-рус-

ски, повернувшись к Саше.

– Нам стыдно за эту разруху, а заморские гости в восторге, – согласилась Саша. – Как ты не боишься лететь в Америку одна, да еще и к неизвестному мужику?

– Говорила же, что в Штаты уже два раза ездила, никто не убил и не ограбил, – и снова по-английски с улыбкой, – Кристиан, ты доволен Сашей? Она хорошая переводчица?

– Отличная! Безуспешно пыталась объяснять мне какую-то грамматику. Только правила нам ни к чему, – пошутил мужчина. – К сожалению, здесь никто не знает английский. Без Саши я бы просто пропал.

Таня начала со знанием дела объяснять:

– Мы с Сашей говорим на британском английском. Если честно, австралийский английский отличается от американского. Меня твой акцент иногда ставит в тупик, – и продолжила допрос. – Надолго ли на Урал?

– Через неделю планирую нанести визит в вашу столицу, Москву. Оттуда в Санкт-Петербург.

– Да, из Москвы в Питер на поезде за ночь доехать можно. Там моя сестра живёт. А я через месяц улетаю в Калифорнию! Познакомилась с американцем, он пригласил в гости, – кичливо объяснила Таня.

– Поездом до Америки сколько суток? – пошутил Кристиан. – Может, встретимся там.

– Едешь в США? Как? Когда? – не могла угомониться любопытная Таня.

Он начал объяснять. Слушая еще раз, Саша наконец-то сообразила, что у Кристиана куплен билет вокруг света и, если очень захочется, можно облететь сто восемьдесят стран. У женщины захватило дух: «Вот где свобода! Какой размах!»

– Он, наверное, богатый! – кумекала Таня.

– Точно не бедный. Я с ребенком даже на неделю в местный санаторий съездить не могу, – процедила Саша. Но в эту секунду ей не хотелось предаваться унынию.

– Ничего, Танюша. Вот переедешь в Сан-Франциско и меня в гости пригласишь.

В пять вечера было еще светло. Легкий прохладный ветерок ворошил небольшие кучки опавших листьев вдоль дороги. Саша и Кристиан возвращались в его квартиру, чтобы разработать план действий на оставшиеся шесть дней. Ей хотелось домой. Поболтать с мамой, выкурить сигарету на лоджии. А после, усевшись по-турецки на ромашковом паласе, читать Ане книжку. Какое ей дело до этого австралийца с его совсем другой, красивой жизнью!

– Высокая Ирина отказалась с тобой встречаться. Она еще учится, и не хочет бросать институт, – и, скрывая раздражение, продолжила, – извиняюсь, Кристиан, но ты два дня сидел в кресле, как король, девушек выбирал. Время пройдет незаметно, а ты так и не определился. Может, еще группу невест пригласить? Как ты думаешь?

Он молчал.

– Про короля просто сравнение, не обижайся. Я здесь, чтобы помочь, – ей хотелось взять свои слова обратно.

– Саша, почему ты сразу не сказала, что тоже не замужем? – неожиданно, но осторожно спросил Кристиан, открывая дверь ключом.

Вопрос застал ее врасплох. Не могла же она признаться, что не рассчитывает ни на что, хотя жаждет настоящей любви. Она смотрела ему в спину, плотно сжав губы. Когда он обернулся, самообладание еще не вернулось к ней,

– Не знаю. Забыла, – и сразу, – пить хочется и присесть не мешало бы.

Саша приземлилась на «королевское» кресло, слегка поглаживая колени. Смотревший на нее из прихожей Кристиан вдруг за секунду оказался перед ней на полу. Вихрь мыслей пронесся в голове испуганной женщины, когда она увидела протянутые вперед руки иностранца, старающиеся обхватить ее ноги. «Маньяк! Он хочет залезть мне под юбку! Что делать? Оборотень!» Но каково было ее изумление, когда она почувствовала, что его сильные пальцы сжимают и поглаживают ее тонкие уставшие икры и ступни. До нее дошло, что этот мужчина, иностранец, стоя перед ней на коленях, сосредоточенно и энергично пытается делать ей массаж.

– Да что вы? Зачем? Не надо! – по-русски умоляла потрясенная происходящим Александра. Потом по-английски, – Спасибо, уже хорошо.

– А-а-а! – отрывисто, как стаккато произнес австралиец.

Это восклицание означало «не надо» или «подожди».

Кристиан по очереди мял ее ноющие ступни, через колготки нажимая на каждый пальчик. Саша была не в состоянии до конца расслабиться, но чувство огромной благодарности переполняло ее трепетную душу.

– Зачем ты это сделал? Мне так неловко!

– Ничего особенного, – искренне возразил он, вставая с колен. – Ты весь день из-за меня на ногах.

Саша тоже поднялась, поправляя узкую юбку. Она снова пыталась извиниться, заикаясь от растерянности, но уже за отказавшую ему студентку Ирину и опять за «короля» в кресле.

– Окей, окей. Теперь лучше? – Кристиан кивнул на ее ноги.

– Да, гораздо лучше, – соврала переводчица.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

– Саша! Не хотела бы ты познакомить меня со своей дочкой? Сколько ей лет? В каталоге не указан ее возраст, – он по-детски склонил голову на бок. Саша вдруг удивленно отметила про себя, какое у него доброе лицо.

– Зачем? – недоумевала она. – А как же невесты?

– Невесты подождут.

– Чем займемся в таком случае?

– Мы могли бы пойти погулять. Как ее зовут?

– Аня. Ей недавно исполнилось семь, – Саша была не в своей тарелке, соображая, как заполнить паузу. Тут она

вспомнила разговор про блины. – Может быть, что-нибудь приготовить из русской кухни? Ты когда-нибудь ел фаршированные блины?

– Я ел блины с клубничным джемом, – ему никак не давалась русская «ы».

– Понятно. Можно сделать начинки из капусты, мяса, – перечислила она. Хотела еще сказать «творога», но не знала английский перевод. – Что предпочитаешь?

– Все! – тут они оба засмеялись.

– Окей. Ты любишь покушать. Тогда я выберу сама. Мы придем часов в одиннадцать. А теперь мне нужно домой.

– Отлично! Можно я провожу?

– Ну, если только до остановки.

Какое-то время они шли рядом, почти касаясь друг друга рукавами. Она не решалась взять его под руку. Ей даже хотелось побыстрее избавиться от австралийца, чтобы спокойно переварить все странные события, которые успели приключиться с ней за день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.